

A woman with long, dark, wavy hair is lying on her back on a thick bed of autumn leaves. She is wearing a red strapless top. Her eyes are closed, and she has a serene expression. Her hands are resting near her head, with fingers slightly curled. The leaves are in various shades of brown, orange, and red, creating a textured background. The overall mood is peaceful and romantic.

ЗВЕЗДА РУНЕТА

Я, МОЙ УБИЙЦА
И ДЖЕК-ПОТРОШИТЕЛЬ

НИНА КАВАЛЛИ

500 000 ПОКЛОННИКОВ СЕРИИ

Звезда Рунета

Нина Кавалли

**Я, мой убийца и
Джек-потрошитель**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кавалли Н.

Я, мой убийца и Джек-потрошитель / Н. Кавалли — «АСТ»,
2018 — (Звезда Рунета)

ISBN 978-5-17-104187-8

Смертельна для жертвы одержимость маньяка. А смертельна ли она для меня, мага-наблюдателя? Я изучаю историю Джека-потрошителя, возвращаясь на сто лет назад, чтобы следить за ним. Погружаюсь во тьму лондонских трущоб, вижу, как самый знаменитый серийный убийца разделяется с женщинами. Мне нужно время несчастных жертв, время, которое они бы прожили, если бы не погибли. Зачем мне годы мертвых? Отдать научному руководителю, высшему некроманту, который, похоже, решил жить вечно. Смертелен ли интерес всесильного преподавателя ко мне? Это самый сложный и опасный вопрос.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104187-8

© Кавалли Н., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1. Последний экзамен	6
Глава 2. Дипломная работа	18
Глава 3. Куратор	26
Глава 4. Подготовка	33
Глава 5. Путешествие первое. Марта Тэбрем	38
Глава 6. Спасите меня! Я погибаю от страха	44
Глава 7. В гостях	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Нина Кавалли

Я, мой убийца и Джек-потрошитель

© Кавалли Нина, текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Глава 1. Последний экзамен

Как люди представляют себе черного мага? Чаше в их воображении возникает образ могущественного мужчины, чье злое волевое лицо скрыто под капюшоном развевающегося черного плаща. Руки мага, творя заклинание, воздеты к небу, на пальцах переливаются массивные перстни с черепами и драгоценными камнями. И самое главное, у чародея ночи настолько мощная, темная и опасная энергетика, что любому человеку, очутись он поблизости, захочется не то что забиться в угол, а бежать без оглядки, куда глаза глядят.

Такой или почти такой образ оседает в нашем сознании после просмотра голливудских фильмов. Мы, черные маги, совсем другие. Я сейчас еду в автобусе, смотрю в окно и слушаю японский рок, время от времени переключая песни в плеере и изредка поправляя на плече небольшой кожаный рюкзак. Вокруг толпа народа, все спешат на работу и учебу, но никому и в голову не придет шарахнуться от меня.

Внешне мы не отличаемся от остальных людей. Когда вы утром едете в переполненном вагоне метро или набитом битком автобусе, отчаянно работая локтями или зевая и все еще пытаясь проснуться, знайте: в этом же душном замкнутом пространстве, борясь со сном и стараясь привести мысли в порядок, едет на службу хотя бы один черный маг или некромант.

А я в это январское утро – на удивление бесснежное – еду в университет. Не в обычный, а в Российский университет черной магии и некромантии – РУЧМиН. В Москве только один магический вуз – между станциями «Новослободская» и «Менделеевская». Там же, где построены Российский государственный гуманитарный университет и Российский химико-технологический университет.

Выхожу из автобуса, стараюсь не поскользнуться на замерзшей луже...

– А-а-а! – ору, когда нога едет и мне грозит встретиться лицом с асфальтом. Благо мужчина, за пуховик которого хватаюсь, ловит меня и, что-то пробурчав, возвращает в вертикальное положение. Машинально мотаю головой в знак благодарности, но мой спаситель этого уже не видит: спешит войти в метро. Последую его примеру.

Мне ехать с пересадкой на «Киевской», защищая грудную клетку от возможных тычков и ударов локтями. А ноги защитить нечем. Отдавят, как пить дать, и сапоги испачкают. И так каждое утро, по пять (к счастью, в субботу мы не учимся) дней в неделю. И столько же – вечером. Знаю, у всех так, но разве кому-то это нравится? Потому и ворчу. Мысленно.

Забыла представиться. По паспорту я Элеонора Александрова, но все зовут меня Леей. Родители придумали. Ни Эля, ни Нора, а именно Лея. Как принцессу из «Звездных войн». К счастью, предки не сходили с ума по этой эпохальной картине, и их решение сократить Элеонору до Леи – лишь досадное совпадение. Приговорили человека. Вы наверняка догадались, как меня называли в детском саду и в школе. Да, именно Лейкой. Сверстникам и дразнить меня не приходилось. Даже вариант Лайка не приклеился – так все потешались над моим настоящим именем.

Давайте, пока еду в метро, расскажу вам, чем занимаются в современном мире черные маги и некроманты.

Доказано, что целенаправленное магическое воздействие на сознание человека может влиять на его настроение, самочувствие, принятие решений. Например, если за столом переговоров у одного из политических лидеров возникнет сильная головная боль или тошнота, прийти к соглашению стороны не сумеют, фактически переговоры будут сорваны. Если в ключевой для страны момент и глава государства, и глава оппозиции не смогут действовать решительно, будут пребывать в некой прострации, власть перейдет в третьи руки. Влияние на жизнь власть имущих, вмешательство в ключевые, поворотные моменты истории захватывает, интригует, будоражит кровь, правда? Но чародеи ночи могут намного больше.

Сильнейшие маги и некроманты способны устранить диктатора любой страны, никогда не встречаясь с ним лично: вызвать тяжелый сердечный приступ, который уложит главу государства в больницу, а то и сведет в могилу; или же стимулировать развитие рака.

Другой пример. Военный самолет перевозит опасный груз. А если груз – это ракета, которая будет сброшена на город? Как может воздействовать черный маг? Да просто усыпив пилота, он уже спасет сотни людей, а то и целый город.

Маги трудятся не ради политической элиты, а защищают интересы своей страны. Мало кому известно, что в 1998 году президент Ельцин готов был подписать соглашение, по которому Японии отошли бы Курильские острова. Однако самолет с президентом на борту, вылетевший в Токио, был вынужден прервать перелет и вернуться в Москву. У тогдашнего главы государства стало плохо с сердцем: наши маги постарались. Тем же вечером Ельцину пришлось лечь в больницу, а пока он «отдыхал», ситуация коренным образом изменилась, подписание документов было отложено на неопределенный срок.

Вот так наделенные силой и знаниями маги стоят на страже интересов Родины. Средства, которые они используют, сложно назвать гуманными, но потому этих чародеев и зовут черными: во имя значимой цели они не пожалеют никого и ничего, не остановятся ни перед чем. Как к ним относиться – личное дело каждого. Но их вклада в защиту наших с вами интересов, в развитие нашей страны отрицать никак нельзя.

Правда, такого уровня мастерства достигают лишь единицы. Это элита среди магов. И своя колдовская элита есть в каждой стране мира. Реалии таковы, что перспективы развития есть только у государств, чьи маги лучше подготовлены.

Чем занимаются выпускники магических вузов, имеющие более скромные способности? Кто-то сотрудничает с полицией, помогая в розыске преступников, кто-то ищет пропавших без вести людей. Некоторые устраиваются психологами, психотерапевтами, психиатрами, помогая отчаявшимся разобраться в себе или восстановить душевное равновесие, но нашими, магическими, методами: они действенной. Правда, пациенты об этом никогда не узнают.

Что касается прорвы колдунов и ведьм, дающих объявления в Сети, газетах и журналах о приворотах, снятии сглаза, порчи и тому подобного, – это либо недоучки, которых выгнали из вуза за неуспеваемость, либо люди, вовсе к магам отношения не имеющие. И среди последних попадаются самородки, но их число настолько ничтожно, что и говорить не о чем. Зато шарлатанов пруд пруди.

Рассказ о том, что мы изучаем в университете, я, пожалуй, отложу на потом, а то вы, чего доброго, зевать начнете. К тому же я как раз у цели: передо мной проходная альбоматер. Сегодня экзамен по взаимодействию с космическими течениями, и сдаю я его такому упырю, такому... Где мой цензурный словарный запас? Был, да весь вышел. Пытать станет заведующий кафедрой черной магии, морского ежа ему в желудок!

В это же время в Российском университете черной магии и некромантии...

сидя в пустой аудитории, заведующий кафедрой черной магии перебирал личные дела студентов старшего курса. К каждому досье будущего выпускника-мага прилагалась, кроме стандартной черно-белой фотографии, еще и большая цветная. Небрежно перелистывая страницы, маг нашел в стопке нужное дело.

Фамилия: Александрова

Имя: Элеонора

Отчество: Александровна

Дата рождения: 4 сентября...

Он перевел взгляд на цветное фото. На него смотрела девушка с открытым лицом, длинными рыжеватыми волосами и ясными ярко-зелеными глазами. Не красивая, но милостивая.

– М-да, во времена инквизиции на тебя достаточно было указать пальцем и крикнуть: «Ведьма!» – чтобы отправить на костер, – цокнув языком, проворчал мужчина.

Маг вытащил фотографию из-под скрепки, откинулся на спинку кресла и сосредоточился. Ему необходимо заглянуть в будущее студентки.

Отбросив эмоции, мысли, образы, маг освободил сознание, перенес его на фотографию и отождествил с девушкой-объектом. Объект испытывал легкий мандраж, думая об экзмене, и предъявлял охранникам студенческий на проходной.

– Не то, – маг невольно поморщился, не открывая глаз и не прерывая контакта. Ему нужно вновь, в который раз, увидеть ее будущее, чтобы убедиться, знать наверняка...

Мужчина начал сдвигать свое сознание, свое «я» по индивидуальному временному коридору объекта. Месяц, два, три, полгода... Вот оно! Тело мага подбросило в кресле. Причиной стал адреналиновый шок, ужас и подступающая к горлу истерика, пронзающие каждый нерв, каждую клетку объекта. Девушка пытается ускользнуть от идущей по пятам смерти.

Прячется в темноте малого актового зала, слыша, как в коридоре поскрипывает паркет, как убийца идет следом, не торопясь и не осторожничая, а смакуя каждый миг охоты на жертву. Шаги приближаются, и девушка начинает паниковать еще сильнее. Она прикидывает возможность отойти от двери и спрятаться за трибуной для выступлений: ей кажется это разумным. Всего метра два-три до цели. Дрожа всем телом, Лея глубоко вздыхает, выпускает из легких воздух и начинает красться к трибуне. Задевает ногой какую-то железяку и мгновенно замирает. Съезживается, до крови вогнав ногти в ладони. Шум выдал ее. Шаги убийцы затихли у входа в актовый зал. Девушка судорожно обводит взглядом кресла, расположенные амфитеатром, ища даже не спасения, а всего-то надежды на него. Шанс есть, хоть и призрачный.

Когда мужчина открывает дверь и входит в помещение, свет из коридора сразу выдает притаившуюся у стены Лею. Не оборачиваясь, она бросается к креслам и начинает протискиваться между вторым и третьим рядами. Несмотря на создаваемый передвижением шум, смешок она слышит четко. До боли знакомый голос спрашивает:

– И чего ты хочешь добиться?

Спокойствие и равнодушие, с которыми произнесены слова, заставляют стыть кровь в жилах.

Мужчина, недолго колеблясь, следует за Леей: его любопытство пересиливает. Девушка слабо улыбается и продолжает пробираться между креслами. Преследователь, не обладая таким хрупким телосложением, тут же попадает в ловушки спинки и подлокотников, препятствующих движению. Не церемонится – с грохотом отодвигает мешающую ему мебель, постепенно свирепея.

Улучив момент, когда преследователь застревает посередине длинного ряда, девушка выскакивает в проход, дальний от двери. Добежать до полосы света быстрее человека, стремящегося лишить ее жизни, – это единственный шанс на спасение. Лея, крича:

– Помогите! Кто-нибудь! – несется к выходу.

Преследователь не стал пробираться ни вперед, ни назад, как надеялась девушка, а перескочил один ряд, другой и очутился прямо у жертвы на пути.

Свет из коридора освещает лицо убийцы, и заведующий кафедрой Горан Судар, видящий все происходящее глазами Леи, узнает самого себя, свое лицо, искаженное дьявольской ухмылкой.

– Думала убежать? Как наивно, – хохочет он, вынимая остро заточенный нож.

Такого ужаса девушка не испытывала никогда: ледяной пот пропитывает одежду; тело, скованное страхом, отказывается повиноваться. Она понимает: бежать некуда. Но все же, будто загнанный зверек, делает последнюю отчаянную попытку. Черный маг тут же хватается за локоть, сжимая плоть до синяков, а когда отпускает, бьет беглянку наотмашь так, что она валится на пол.

Сидя на холодном паркете, широко распахнув испуганные глаза, Лея одними губами шепчет:

– Горан, нет. Пожалуйста. Не надо, Горан...

И зажмуривается, когда лезвие висит над ней. Горан Судар, ощутив, как нож входит в тело объекта, разрывая мышцы, сосуды, царапая кости, открыл глаза, бросил фото студентки на стол и потер ладонями лицо. Он проверял уже несколько раз. Ошибки нет. Через несколько месяцев он убьет Лею Александрову.

Маг пытался узнать больше, заглянув в свое будущее. Попасть в свое прошлое – легко, а узнать что-то наперед, предсказать самому себе – задача почти непосильная даже для могущественного мага. Но один раз получилось. Картинка была нечеткой, однако он увидел себя в том актовом зале, склонившимся над истекающим кровью телом. Все точно.

– Значит, судьба твоя такая, – прошептал черный маг, складывая личные дела в одну стопку. Надо выкинуть будущее убийство из головы, и как можно скорее: за дверью аудитории слышался шум, разговоры и нервные смешки – студенты старшего курса пришли на экзамен.

Лея Александрова

К аудитории я подбежала последней, чего не случалось почти никогда. Еще издали помахала рукой немногочисленным сокурсникам (на первый курс нас поступило двадцать шесть душ, а до финишной черты добрались только восемь). Трое сейчас повторяли лекции, стоя с тетрадками ближе к окну, трое болтали, а моя подруга Ланка отчаянно искала что-то в карманах, едва не выворачивая их наизнанку.

– Здорово! Шпоры потеряла? – звонко любопытствовала я. Наклонив голову и хитро прищурившись, попыталась поймать рассеянный взгляд подруги.

Только сейчас меня заметила.

– Привет... Нет, я платок ищу – очки протереть... – неуверенно протянула Лана, продолжая поиски. – А, вот он! – выхватив пропажу из заднего кармана джинсов, подруга обрадовалась. Достала из рюкзака футляр, открыла и начала начищать стекла цвета слабо заваренного чая. Перед экзаменом мандраж не у меня одной. Это видно.

Лана выше меня ростом, бесконечно обаятельная, приветливая и улыбчивая пышечка-хохотушка. Сколько знаю подругу, ходит с шикарной русой косой до пояса, ни за какие блага мира не отстрижет предмет своей гордости и не променяет ни на одну новомодную прическу.

– Снова носишь? – качнула я головой в сторону очков, стилизованных под солнечные. – Упражнения не помогли?

Лана ходила на магический спецкурс по улучшению зрения. Там учат целому комплексу энергетических упражнений, избавляющих от близорукости и дальновзоркости.

– Очень даже помогли, – заверила подруга, цепляя чайные очки на нос. – Было минус четыре, а стало все идеально. Я сама виновата, – вздохнула Ланка, – забросила упражнения, и теперь... минус два. Буду умнее.

Закинув рюкзак на плечо, добавила:

– К концу года буду видеть лучше всех, – и чинно кивнула для пущей убедительности.

Я в ее способностях нисколько не сомневалась, но вот в старательности... Едва у Ланы начинало что-то получаться, она тут же теряла интерес. Впрочем, до последнего курса уни-

вера же доучилась, значит, я не совсем справедлива. Из задумчивости меня вывел осязаемый тычок в ребра и заговорщический шепот Ланки:

– Смотри-смотри, идет.

Я без уточнений поняла, о ком речь. По коридору шел Он. Вам случалось влюбляться с первого взгляда? Если не случалось, завидую. А меня угораздило. Рост за метр восемьдесят, стройный, гибкий, но сильный. Кстати, обожаю такую длину волос, как у него: до середины шеи. Не короткая стрижка, но и не паты, как у металлистов. Пряди пушистые, густые, черные, как смоль, да еще кончики так аккуратно завиваются внутрь: волосок к волоску. Не то что мои: половина закручивается наружу, еще часть – в стороны, и пара локонов – внутрь. Я устала от бардака на голове и теперь делаю химическую завивку. А он... Просто идеал. Зачем парню быть таким красивым? Я втюрилась год назад и до сих пор глазею, боюсь подойти. Да нет, уродиной себя не считаю, я даже очень ничего. Но мне такого красавчика не потянуть: птица не его полета. Эх, завидую девчонкам, которые спокойно могут встречаться с парнями привлекательнее их самих. Себя считаю... как это сказать? недостойной, что ли, такого чуда. Не совсем верное слово подобрала, но, надеюсь, суть передала неплохо.

Чудо проплыло мимо, даже не взглянув в мою сторону, и исчезло за дверями экзаменационной аудитории. Игорь. Игорь Вильянов. Он аспирант нашего завкафедрой.

Через минуту юноша вышел в коридор, прижимая к бедру стопку каких-то бумаг, и пригласил первую пятерку заходить, а сам быстрым шагом удалился. Ну что, пойду сдаваться. Предпочитаю отмучиться в числе первых.

Я с четверьмя одногруппниками просунулась в дверь.

– Добро пожаловать на заклятие, – провозгласил Государь, не поднимая глаз от каких-то записей.

Почему мы зовем заведующего кафедрой черной магии Государем? Потому что величать его Го́ран Су́дар. Прозвище Сударь не клеилось, не подходило. А когда к фамилии добавили первые две буквы имени, получилось идеально. Он и ведет себя так, будто король, а мы подданные его величества.

Билеты разложены на столе. Я подошла последней, пятой, вытянула билет номер тринадцать (повезло: его я знаю очень хорошо) и громко прочла вслух:

– Билет тринадцатый.

Вопрос 1. Открытые и закрытые пути. Способы их определения. Применение на практике.

Вопрос 2. Смещение сознания в свое прошлое.

Государь, не поднимая на меня глаз, сделал пометку в блокноте и жестом руки отпустил готовиться. Я уселась на первую парту среднего ряда, прямо перед преподавательским столом. Все равно у Государя на экзамене списать невозможно, да мне и не требуется.

Самое опасное время для студентов магвуза – конец третьего курса. Решается наша судьба. Нас либо вышвыривают из университета, либо мы дотягиваем до магов, лучшие становятся некромантами.

Некроманты умеют отдавать мысленные приказы, полностью подчиняя волю человека. Без внушения никак: мертвецы не встанут и не будут делать ту грязную работу, ради которой разогнали их вечный сон.

Маги внушением не владеют, у нас открываются способности попроще. Например, я умею исполнять желания и привлекать окружающих к этому хитрому процессу, ненавязчиво вынуждая помогать мне или уходить с пути.

Если же студент знает только теорию, а практика ему не дается, то, увы, он прощается с вузом.

Как я уже говорила, на наш первый курс приняли двадцать шесть человек. К концу третьего курса отсеяли восемнадцать, некромантом не стал никто. Остались восемь магов. Всего лишь.

Обучают пять лет. Но мы знакомимся не только с магическими дисциплинами. Мы изучаем политологию, экономику, социологию, культурологию, иностранные языки, работу с компьютером. А еще – политическое и экономическое устройство других стран, их культуру, нравы, вероисповедание. Многим из нас придется работать за границей, а значит, нужно свести к минимуму сроки адаптации в чужой стране, знать о ней, ее народе как можно больше, чтобы успешно мимикрировать, сойти за своего. Мы знаем самых влиятельных людей любого государства, в том числе и тех, кто в тени: не мелькает на экранах, не выступает на митингах, неизвестен простому народу.

Есть усиленный курс органической и неорганической химии, связанный со всевозможными ядами. И – в качестве приятного дополнения – вдохновение, понимание сути творчества. Кто-то из студентов после прохождения этого курса вдруг, внезапно, открывает в себе способности к живописи, кто-то к танцам, кто-то к поэзии, кто-то не ощущает душевных порывов вовсе, а я... полюбила писать книги. И у меня, что самое удивительное, неплохо получается. В школе набросать сочинение для меня было пыткой, хоть и делала я это хорошо, а сейчас... этот полет фантазии, переход в другой мир, в иное измерение, о котором рассказываешь, смелая игра словами, фразами... Я не променяю их ни на что на свете.

Сегодня последний экзамен, а потом мы пишем диплом. Понятия не имею, как это будет происходить и что я стану делать, но, наверное, думать о дипломной работе во время финального испытания не стоит: проблемы надо решать по мере возникновения. И сейчас моя главная задача – сосредоточиться и написать ответы на вопросы тринадцатого билета.

Я вызвалась отвечать второй. Все равно уже вспомнила и написала, что смогла, а сидеть и переживать в ожидании своей очереди никогда не любила: нервные клетки не восстанавливаются. Лучше поскорее отмучиться и идти на все четыре стороны.

Подняла руку сразу, как Пашка Столяров, крепкий парень с копной рыжих волос, первым получил оценку в зачетке. Горан Владиславович мне сухо кивнул, и я заняла место Пашки рядом с профессором черной магии.

Почти отбарабанила последний вопрос билета, а Государь все поджимал губы, глядя на мой исписанный листок, и ничего не говорил. Я даже занервничала, но голосом волнения не выдала. Точно знаю: стоит хоть чуточку дать слабинку, засомневаться в собственном ответе, начать бегать глазами – и все, трояк, и не выше. Лучше уверенно, с умным видом пороть чушь, если все перепутала, чем мандражировать, отвечая правильно. Трояк-то нарисует: не совсем зверь.

Видимо, отвечала верно. Государь не стал меня поправлять, когда я закончила тараторить, а перешел к дополнительным вопросам.

– Ладно, Александрова. Как сместить сознание в свое прошлое, мы изучали. А теперь подумайте и скажите, можно ли сместить сознание в прошлое другого человека, – поинтересовался он, уперев правый локоть в стол. И, устроив подбородок на ладони, наконец перевел взгляд на меня.

Аж дурно стало от странного блеска надменных серых глаз. Казалось, от того, насколько правильно отвечаю, вся моя дальнейшая судьба зависит, если не жизнь. Да, вопросы Судар любил задавать не из изученного материала. «На соображалку» – так он всегда говорил.

Я возвела глаза к потолку и закусила нижнюю губу, тщательно обдумывая ответ.

– Да, – выдала я наконец.

– Хорошо. Раз вы так уверены, опишите процесс погружения в прошлое другого человека.

– Что ж, – стала я рассуждать, теперь уже буравя взглядом преподавательский стол, – сначала нужно сделать то же, что и при погружении в собственное прошлое и...

– И что же нужно? – бесцеремонно перебил меня завкафедрой.

– Очистить сознание от ненужной шелухи: эмоций, мыслей, образов.

Слава тебе, тетерев – мохнатенькие ножки! Кивнул, и даже как-то ободряюще.

– Дальше.

– А дальше надо, стараясь не выпускать испытуемого из поля зрения, отождествить свое сознание с его сознанием и продвинуться по индивидуальному временному коридору до нужного момента в прошлом.

– Как располагается этот коридор относительно тела испытуемого?

– От шеи – вниз, за позвоночником. Чем ниже спускаемся, тем глубже погружение в прошлое.

– А если испытуемого у вас перед глазами нет и найти его нет возможности, как бы вы поступили?

– Хм, подойдет любой его образ. Лучше всего фотография. Но можно взять и портрет, и личную вещь, и что-то, что он создал: картину, написанную им книгу, скульптуру, да даже глиняную вазу. Но контакт, боюсь, может выйти менее... как бы это сказать?... четким, что ли.

Судар сдвинул брови, и на его губах появилась странная усмешка.

– Что? Неправильно рассуждаю? – не выдержала я.

– Да нет, вы хорошо соображаете, – заявил он, пододвигая к себе зачетку. – Можете развиваться и дальше, опираясь на уже полученные знания. Не так часто встречается, между прочим.

Размашистый росчерк ручки, хлопок – и Государь придвигает ко мне уже закрытую зачетку.

– Диплом будете писать под моим руководством. Консультировать вас станет аспирант Вильянов.

Верите – нет, я от счастья чуть со стула не свалилась. Наконец-то я познакомлюсь с Игорем Вильяновым, наконец-то он обратит на меня внимание. Я блаженно зажмурилась и представила его, безупречного красавца, со знанием дела что-то мне объясняющего. На моем лице наверняка появилась глупая улыбка.

– Что с вами, Александрова? – вернул меня на грешную землю голос Сударя.

Открыла глаза. Несмотря на мои ужимки, черный маг остался невозмутим и холоден.

– А, нет, все в порядке, Горан Владиславович. Хочу сказать, что согласна.

– Александрова, вашим согласием поинтересуюсь в последнюю очередь. Я вас перед фактом ставлю: диплом пишете у меня. И точка. Есть вопросы?

От его безапелляционного тона я только ошарашенно замотала головой.

– Вот и хорошо, – Судар вложил зачетку мне в руку. – Тогда можете быть свободны. Всех благ.

Я так лихо соскочила со стула, что едва не оступилась и не упала. Со стороны, наверное, казалось, будто спасаюсь бегством. Но не успела моя рука открыть дверь аудитории, как меня окликнули.

– Чуть не забыл, Александрова. Зайдите в мой кабинет через два часа. Выберу вам тему диплома и дам кое-какие пояснения.

И вот тут меня прошиб пот, а в солнечное сплетение вонзился холод – необъяснимый страх, предвестник опасности. Предчувствия никогда не подводили: визит в кабинет Государя несет в себе необъяснимые неприятности, перемены, но не к лучшему. Да что угодно, только для меня это будет не в плюс.

На негнувшихся ногах вышла из аудитории, кое-как отбрыкалась от вопросов сокурсников, фальшиво улыбаясь, и побрела по коридору, ища укромное местечко, где никого нет. Нужно поразмыслить в одиночестве.

С раннего детства я обладала даром предчувствовать опасность. Если, собираясь утром в школу, ощущала противный холодок в районе солнечного сплетения, значит, в этот день в школе что-то случится: либо подерусь, либо училка устроит выволочку, либо обвинят в чем-то, к чему непричастна. Источник опасности всегда оставался для меня загадкой, а вот сам факт... предчувствие не подводило ни разу. Правда, несильно-то оно мне помогало. Если, к примеру, я шла в школу в опасный день, неприятность случалась, а если не шла, пыталась избежать нервозности, то на следующий день все было еще хуже. Проблема не исчезала, а увеличивалась, подобно снежному кому. Уже в университете я научилась хотя бы иногда избегать того, о чем предупреждало меня подсознание. И сегодня какая-то пакость непременно произойдет, когда приду в кабинет Государя. Может, не ходить?

А что? Экзамен закончится, могу сказать, будто сокурсники уволокли отмечать, я выпила и забыла о наставлении. Но ведь завтра черный маг меня точно растерзает, или даст тему диплома посложнее, или... Да мало ли? Власти у него достаточно, чтобы испортить мне жизнь. Ладно, придется идти и надеяться, что не случится ничего сверхужасного. Надо просто перетерпеть встречу, пережить этот день.

Странно другое. Прежде Горан Судар никогда, ни единого раза, не брал девушку писать диплом, в аспирантки и тому подобное. Работал исключительно с парнями. Что изменилось? Да, любопытство сдает, но от него, говорят, кошка сдохла. Не последовать бы и мне за нею.

Ах да, я не рассказала о Горане Сударе. Вроде бы он иностранец, хотя говорит без акцента. Несмотря на суровость, мрачность и самоуверенность, ему вряд ли больше тридцати двух. Если представите черного мага в современной одежде – костюме-двойке или джинсах с водолазкой, – это будет как раз Судар, заведующий кафедрой черной магии, доктор наук. Волевое лицо; длинный, тонкий, кажущийся хищным нос; рот хоть и большой, но губы жесткие, слегка надменные. Брови густые, черные. Взгляд тяжелый, хмурый, а глаза – умудренные опытом. Именно зеркала души добавляют лишних лет к его тридцати с небольшим. Довершает образ черного мага шрам на правой щеке, причем едва заметный и очень необычный: будто в мышцы лица вогнали несколько толстых игл и вынули, а отверстия, оставшиеся после, так и не заросли. Они больше похожи на четыре слишком широкие поры, чем на шрам. Откуда у него такая отметина? Она почти не вредит внешности: издали не видна, а вблизи никакого отторжения не вызывает. К изъяну быстро привыкаешь.

Магички-преподавательницы находят Судара чрезвычайно привлекательным, вешаются на него одна за другой. Мне их интерес к мрачному типу не понять никогда. А девушки-студентки мага боятся, как огня. А я боюсь? Да вроде не очень. Не знаю. Есть в нем нечто настораживающее и даже зловещее.

Сидя и размышляя на подоконнике в глухом закутке, не заметила, как пролетели два часа. Пора идти к нашему садисту, получать тему диплома и ценные указания темнейшего.

Расположение этажей и коридоров в нашем университете – тема отдельная. Если подниматься по главной лестнице, можно дойти только до третьего этажа и все, предел. Новички всегда попадают в эту ловушку. А если на втором миновать парочку незаметных коридоров, дошагаешь и до пятого. И другого способа забраться на верхний этаж нет.

Как раз на пятом этаже и располагается кабинет... Я подошла и прочла табличку.

Судар Горан Владиславович

Заведующий кафедрой черной магии, д. м. н., профессор

Толкнула дверь. В приемной секретарь за полукруглой стойкой что-то споро набирал на клавиатуре. Повернулся на звук открывающейся двери, окинул меня равнодушным взглядом.

дом и снова уставился в экран монитора. Моя скромная персона совершенно не занимала блондина Лешу Ярыгина: низко летаю, мелко плаваю. Будь я деканом или самым ректором, он бы засуетился. А на меня... ну, зачем время и силы тратить?

Немного стусевавшись, я начала переминаться с ноги на ногу и поглядывать на стулья у стола секретаря, позволявшие посетителям ожидать, откинувшись на мягкие спинки, приглашения самого профессора черной магии.

– Да чего ты мнешься? – лениво и немного презрительно бросил Ярыгин, снова начав стучать по клавишам, сверяясь с какой-то бумагой. – У себя. Ждет. Входи, – на секунду перестал вбивать буквы и жестом руки указал на дверь кабинета.

Вот так, максимально информативно. Ни тебе привет, ни тебе конфет – сразу входи. В немногословии и конкретике есть свои плюсы. Эти качества начальник Ярыгина, безусловно, ценит.

Поразительно, но Судар мог нанять себе красотку-секретаршу с ногами от ушей. Но и тут взял парня. Ориентация у него, что ли, специфическая? Или он женоненавистник?

Постучала, услышала «Войдите!» и протиснулась внутрь. Кабинет был огромным и незаурядным. Обычно хозяева помещений не заморачиваются – делают из своего убежища евростандарт. И эффектно, и дорого, и рабочая атмосфера как-никак. Не таков кабинет Судара. Черный маг явно отдает предпочтение винтажному стилю, поняла я, вертя головой. Под ногами широкий ковер, в котором утопают ноги. Не новая дрянь, а вещь, сделанная на совесть, не вчера и не сегодня. Может, настоящий персидский? Я не настолько спец. Окна прикрыты тяжелыми шторами, создающими полумрак. Из мебели два добротных серванта, забитые папками с документацией и компьютерной мелочевкой, прямоугольный стол и ряд стульев, такой же, как в приемной. Лепнина на белоснежном потолке. Люстра массивная, большая, с крупными каплями. Хрусталь? Говорят, он красиво звенит. Преобладание в интерьере благородного бордового и шоколадно-коричневого цветов с толикой золота делают помещение мрачным, богатым и эффектным.

Мое внимание привлекла статуэтка на подоконнике. Обычно в кабинетах мужчин если и есть такая вещица, то это обязательно обнаженная девушка, навечно замершая в изящной позе для услады глаз владельца, а у Судара – два серебристых дельфина, выпрыгивающих из морской волны. Мне захотелось подойти поближе, рассмотреть морских млекопитающих.

Слишком увлеклась созерцанием окружающего пространства. Ненавязчивое покашливание заставило вспомнить, зачем сюда пришла. Государь сидел за столом, возвышаясь в кресле, словно на троне. Судя по терпкому аромату, перед ним сервизные чашки именно с кофе. Маг не один. Напротив вольготно расположился собеседник. Гость полностью откинулся на спинку широкого стула, держа большим и указательным пальцами ручку чашки, отставив мизинец чуть в сторону. Ноги свободно вытянуты к двери, то есть в данный момент прямиком ко мне, одна щиколотка закинута за другую. Незнакомцу на вид лет пятьдесят, седой, среднего телосложения, внешность на удивление располагающая. Одет в строгий костюм, белоснежная рубашка выглядывает из-под лацканов, одноцветный галстук туго сжимает воротничок.

Гость с удовольствием отпил кофе, поставил чашку на блюдце и искренне улыбнулся, созерцая мою ошарашенную физиономию.

– Это Геннадий Михайлович, – сухо представил собеседника Судар, снисходительно окинув меня взглядом и явно чего-то ожидая. – Лея, моя студентка.

– Очень приятно, – вежливо кивнула я седому мужчине, теребя в руках ремешок своего маленького кожаного рюкзака.

– Лея, красавица, рад знакомству! Наслышан о вас, – елеинным голосом пропел Геннадий Михайлович и даже привстал, что явно предполагало более тесное приветствие. Я опасливо глянула на Государя, маг кивнул. Сделав пару шагов, остановилась перед гостем

и протянула руку для пожатия. Геннадий Михайлович обхватил мою кисть, шепча комплименты, которых я уже не слышала. Почему? Я посмотрела в глаза этого приятного вежливого человека, и мне стало страшно. По-настоящему страшно. Я не понимала, почему так испугалась, но колени подкосились, пальцы рук и ног в момент превратились в ледышки, а живот скрутило, к горлу подступила тошнота. Приступ на нервной почве? Волновалась из-за экзамена, а реакция наступила только сейчас? Нет, страх нагонял на меня именно гость Судара. Пока стояла и дрожала, как осиновый лист, хозяин кабинета и его гость о чем-то оживленно говорили, но слова уходили будто в воду, не достигая моих ушей.

Я снова начала слышать звуки, когда Геннадий Михайлович уже давно выпустил мою руку, сел и продолжил потягивать горячий ароматный напиток.

– Лея, душа моя, позвольте проводить вас. Уважьте старика.

После этих слов я готова была бросить вещи и кинуться наутек, бежать и не останавливаться, пока силы не иссякнут. Внутренний голос не кричал – вопил: «Опасно! Беги! Скорее!»

– Нет! – взвизгнула я, отскакивая от нового знакомого.

Разочарованный отказом мужчины решил сменить тактику. Повернулся к Судару и попросил:

– Позвольте проводить вашу студентку, Горан.

– Нет, Геннадий Михайлович, она пришла не с вами знакомиться, а по важному делу. Нам надо обсудить тему диплома, – Судар поднялся с кресла, извлек из кармана брюк пачку, вложил в рот сигарету, даже не потрудившись ее зажечь.

– Не беда, я подожду в коридоре, – не уступал седовласый мужчина.

– Нет!!! – гаркнул Государь так, что вздрогнула не только перепуганная я, но и спокойный расслабленный гость.

– Что ж, очень жаль, – как ни в чем не бывало протянул Геннадий Михайлович, судя по интонациям, нисколько не обидевшийся на повышенный тон.

Он обошел меня по дуге, улыбаясь и восхищенно разглядывая. На его лице, кроме сожаления, улавливалось что-то жуткое, темное, леденящее. Гость попрощался с хозяином кабинета и почти бесшумно покинул помещение. Я с облегчением услышала, как щелкнула и дверь приемной. Ушел. Совсем.

Повернувшись к Судару. Черный маг стоял ко мне вполоборота, брезгливо пожевывая губами незажженную сигарету.

– Как же я их ненавижу, – с раздражением в голосе прервал он молчание. Вынул изо рта никотиновую пакость, сломал пальцами и кинул в ведро.

– Кто он? – титаническим усилием воли подавляя внутреннюю дрожь, выдавила я наконец.

Государь, сохраняя непроницаемое лицо, вернулся к креслу и снова сел, вальяжно откинувшись на спинку, на несколько мгновений соединив пальцы рук перед собой.

«Что ж вы тянете кота за самое дорогое?» – подумала, но вслух, конечно, ничего не сказала.

– Серийник, – ответил он так буднично, будто речь шла о погоде. Даже в окно мельком глянул.

– Серийник?! – голосовые связки подвели, и восклицание, вырвавшееся из моих уст, больше походило на писк. – Серийный убийца? Маньяк?! – наконец прежний голос вернулся ко мне.

– Совершенно верно, – хозяин кабинета загадочно улыбнулся, наслаждаясь произведенным эффектом и моей реакцией.

– Вы что?.. Вы совсем охр... озверели? – вовремя сменила я идеально подходящее к случаю слово на не самый логичный вариант. – Зачем представили меня маньяку?! – последнее слово просто проорала на весь кабинет. – Он же меня теперь...

– Не тронет, – устало закатил глаза Государь. – Я приказал скрутить его на проходной. Сейчас там, помимо охранников, целый наряд полиции.

Я схватилась за голову. Знала, что завкафедрой ненормальный, но чтобы настолько...

– Зачем? – упрямо повторила я, убирая руки от головы и впиваясь полным негодования взглядом в черного мага.

– Это был ваш последний экзамен, Александрова. И вы его с успехом выдержали. Поздравляю!

– Что? – вскинулась я.

Боже, как хотелось схватить что-нибудь тяжелое и двинуть этому самодовольному павлину по башке!

Судя по веселой ухмылке, мой внутренний порыв не остался для Судара тайной. Все по моему лицу прочел, гад.

– Что, что, – недовольный, видимо, беспросветной тупостью студентки, повторил мой вопрос черный маг. – Я же видел: у вас зубы едва не стучали, когда он с вами заговорил. Такой дар – большая удача и столь же большая редкость.

Не знала про такую свою особенность. Не могу даже предположить, откуда она взялась.

Когда была еще совсем ребенком, родители внушали не разговаривать на улице с незнакомцами, и уж тем более не идти к ним домой за сладостями или игрушкой. Да, именно так некоторые маньяки заманивают к себе детей, а потом расправляются. Но видимо, зря мне это объясняли. Я от природы недоверчива до умопомрачения.

Простой пример из жизни. Мне тогда года три было. Стояли с мамой на остановке, ждали автобус. Подошел приятный мужчина с привычным комплиментом:

– Какая красивая девочка!

Я насупилась.

Вроде никакой опасности не должна ощущать: я же под защитой самого всемогущего (ведь так кажется ребенку) и дорогого человека – мамы. Однако же...

Мужчина присел на корточки и протянул мне конфетку.

– На! Это тебе.

Я злобно зыркнула и спряталась за маму. Родительница начала меня журить за неласковость, а мужчина ее остановил. Объяснил, что такое отношение к незнакомцам мне чрезвычайно пригодится в жизни: люди всякие бывают.

Сама я этого эпизода не помню, но мама пересказывала много раз.

Когда подросла и пошла в школу, был всплеск изнасилований в лифтах. Мне запретили садиться в кабину с кем попало. Зря. Всю жизнь поднималась на свой этаж по лестнице, если шла одна: без родственников или стайки друзей.

– Почему, когда я отказалась пойти с этим... Геннадием Михайловичем, – чуть не выплюнула чертово имя, скривив губы, – он просил разрешения проводить у вас?

Что скрывать, теперь мне не давал покоя сей вопрос. Выглядело все чрезвычайно странно: мужчина, обращающийся с просьбой прогуляться со студенткой к ее преподавателю. Государь мне не отец, не дядя и не брат.

Ответ черного мага добил, как и спокойствие, с которым информация была доведена до моего сведения.

– Все просто. Гипноз. Я мог загипнотизировать вас, Александрова, и вы пошли бы, куда скажут.

От приватного общения с Государем у меня начали трястись поджилки, глаза на лоб лезть и мурашки по спине бегать.

И тут, как говорится, Остапа (то есть меня) понесло. Не выдержала. Орала и скандалила, как никогда, а Судар терпеливо выслушивал мои оскорбления, угрозы, наблюдал за выплесками ненависти с невозмутимостью, достойной восхищения. Если бы лицо профессора не выглядело таким спокойным, предположила бы, что ситуация его забавляет.

Выдохлась я довольно быстро.

– Идите-ка знаете куда с вашим гипнозом, маньяком и прочими извращениями! – огрызнулась я напоследок и метнулась к двери.

– Стоять! – приказал Судар. – Он еще до проходной не дошел. Не советую убегать. Мой кабинет – самое безопасное место сейчас.

Уточнять, кто такой «он», не было необходимости. Серийный убийца здесь, в университете, ждет меня. Судар – настоящий дьявол. Предвидел мою реакцию и специально построил ловушку. Ага, выбирай: либо смерть от рук маньяка, либо работа у меня и на меня. До такой многоходовки мог додуматься только чертовски изворотливый, опасный и совершенно беспринципный ум. «Я вас познакомил, чтобы проверить способности». Чепуха! Государь понял о существовании таковых раньше, а маньяк – для другой цели. Шах и мат мне одним ходом. А заодно и урок на будущее: сопротивляйся или нет, Судар все равно добьется своего.

И главное, он не угрожал вслух. Ни словом не обмолвился, что на кону жизнь. Будь над ним кто властен, я бы даже обвинить его не смогла. Тонкая игра. Игра мастера.

Конечно, остановилась, как вкопанная, и повернулась, с ужасом взирая на черного мага. Он пренебрежительно махнул в сторону одного из стульев рядом со столом, и я покорно села, бросив в ноги рюкзак. Да, выбитая из колеи, лишенная возможности сопротивляться.

Так начался разговор о моей дипломной работе и не только. Еще о моей работе на профессора. Я влипла. Крепко влипла.

Глава 2. Дипломная работа

Я глядела в пол и слышала только голос Государя. Ни за мимикой, ни за передвижениями дьявола наблюдать не было ни сил, ни желания.

– Официально будете изучать изменения, отклонения, аномалии в эфирных телах маньяков и их жертв как до убийства, так и во время него. Это и будет темой вашего диплома.

Неофициально вам нужно получить от жертв маньяков их время. Что вас удивляет? Не встретить жертва своего убийцу, могла бы прожить еще несколько дней, месяцев, лет, а иногда – десятилетий. И тем ценнее жертва, чем больше был бы отпущенный ей срок.

– Почему именно жертвы серийников? Ведь какое-то время должны были еще прожить и самоубийцы, и жертвы несчастных случаев, и жертвы бытовых убийств.

– Правильные вопросы задаете, Александрова. Правильные. Дело в том, что ужас, трансформированный в желание жить, у жертвы маньяка достигает запредельного уровня. Только его можно собрать и без последствий вживить другому. Теперь вы понимаете, зачем это нужно.

У самоубийцы время гиблое, опасное. Жертва несчастного случая часто не успевает осознать, что умерла. Какой тут выброс? Где отчаянное желание выжить? Жертва бытового убийства безумно хочет выжить, но ее желания почему-то никогда не хватает, чтобы обнажить годы жизни и передать их. Только жертвы серийников – ключ ко времени. И об этом почти никто не знает. Станете об этом молчать и вы, иначе... – в голосе черного мага звучала неприкрытая угроза.

– Да, буду молчать, – хмуро согласилась я.

А куда деваться? Государь меня в порошок сотрет и пыль по ветру развеет, не отягощая себя угрызениями совести. И никто ему слова не скажет. С ним предпочитают не связываться. Даже ректор, подозреваю, во многом от него зависит. Практически на цырлах ходит перед заведующим кафедрой черной магии. Да, попала я в переплет.

– Мой аспирант не должен знать, чем вы занимаетесь на самом деле. Это понятно?

Вот как. Игорь понятия не имеет о тайных делишках научного руководителя. В моих глазах он от этого выигрывает стократно.

– Естественно, – сторбившись под тяжестью тайн и новой информации, промычала я.

– Будете следовать моим указаниям – диплом сдадите на отлично, получите лучшие рекомендации при поступлении на работу. А если заходите продолжать обучение в аспирантуре, двери перед вами открыты. Даю слово.

– Да, Горан Владиславович, – выдавила я.

– Вам все ясно?

– Все.

– По вопросам, касающимся официальной части вашего диплома, обращайтесь к аспиранту Вильянову. По неофициальным – только ко мне. Начинайте продумывать работу, собирать материал – в общем, готовьтесь.

Несколько мгновений прошли в молчании. Наступившую тишину разорвал телефонный звонок. Судар снял трубку внутреннего телефона.

– Взяли? Без проблем? Уже увезли? Отлично. Если возникнут непредвиденные обстоятельства, дайте знать, – хозяин кабинета с силой опустил трубку на новенький аппарат.

– Теперь вы свободны, – ухмыльнулся он мне.

Я тяжело вздохнула, кивнула и вышла из кабинета, а потом и из приемной. Ноги будто свинцом налились – еле передвигаю. Да и голова тяжелеет с каждой секундой.

Иду по университету и не узнаю его. Еще полчаса-час назад новомодная обстановка альма-матер казалась мне привычной, знакомой и родной, а стало все чужим, отстраненным и неприветливым. Вот как поменялось восприятие после визита к Судару.

Всегда обожала высокие окна от пола до потолка: мне нравится и современный дизайн, и обилие света, проникающего сквозь огромные стекла-глаза здания. Много света – это замечательно, но не в пасмурный же январский день, когда серый сумрак туч, вид голых деревьев и грязи на дорогах разом обрушиваются на тебя запредельной безысходностью и тоской.

Присесть бы на креслице, что между окон. Нет! Адреналин обжигает ноги, натягивает жилы, мучает мышцы так, что тело ни секунды не может находиться в покое. Только идти, а лучше – бежать. Тогда тяжкие ощущения не исчезают, но хотя бы притупляются.

Иду. Быстро. Светлый ламинат, по которому всегда задорно и звонко стучат каблуки, превратился в моего мучителя. Каждый шаг отдается в ушах и висках такой болью, будто я вчера напилась. Хочется зажмуриться. Заткнуть пальцами уши из-за пытки звуком.

По мраморной винтовой лестнице добежала до второго этажа и только тут опомнилась. От сокурсников отбрыкалась, исчезла на два часа, даже не поинтересовавшись, чем у ребят закончился экзамен. А вдруг они договорились пойти отметить окончание сессии, а я, как последний свинтус, всех проигнорировала? Не скажу, что наша восьмерка так уж дружна: на первых курсах мы были в разных компаниях. Да и отмечать окончание студенческих полугодий предпочитали по-разному. Каждая из двух сладких парочек предавалась любовным утехам, Катька с Танькой шастали по клубам, ища для развлечения парней, а мы с Ланкой, не обладая ни богатыми родичами, ни средствами, иногда ходили после студенческих испытаний в парк, а порой шиковали в маленьком кафе, если было на что.

Наша восьмерка редко делала совместные вылазки, но Лане-то я должна позвонить. Достала мобильник, выбрала из списка нужный контакт и нажала кнопку вызова. На втором гудке подруга отозвалась.

– Лея, где ты пропадаешь, змея ты моя подколодная? – порадовала Ланка обыденным приветствием для нашей маленькой компании из двух человек.

Где-где? Стараюсь маньякам на глаза не попадаться.

– Заползла не под ту колоду. Чуть не раздавили, – попыталась я придать тону веселости, но начинание с треском провалилось. – Мне Судар научрука назначил. Ходила получать тему диплома, – сухо сообщила наконец.

– Ой, он нам всем назначил. И кого? Можно подумать, на кафедре вменяемых преподавателей нет, – мне казалось, я вижу, как Ланка, говоря эти слова, кривит губы и отмахивается.

– Давай-ка отсюда поподробнее, – подначила подругу, ожидая шквала новостей. Мне нужно было хоть что-то, чтобы переключить мысли, отвлечься.

И я получила даже больше, чем предполагала. Оказывается, Судар называл научного руководителя каждому, выставляя оценку за экзамен. Ланке и двум нашим сладким парочкам досталась Левиц Ольга Витальевна, стерва редкой породы. Мы за глаза зовем ее Горгоной.

Сразу вспомнилось, как сия преподавательница знакомилась с нами на первом курсе. Как раз закончилась лекция по теории энергетических поражений, которую читал Судар, и в аудиторию вплыла Горгона. Предположу, что лет в семнадцать она отдаленно напоминала куклу Барби. Представьте, как Барби выглядит в сорок. Дряблая кожа шеи и ветвистые вены на кистях рук выдавали истинный возраст. Грудь не обвисла, а скорее опустилась, талия и бедра стали шире. Только лицо сохранило остатки былой привлекательности, но не без помощи большого количества косметики. Шапка густых, с крупными волнами волос, крашенных в блонд, вызвала завистливые вздохи. Большой рот уже начал терять сексуальность, но алая помада пока еще подчеркивала чувственность губ. Умело крашенные большие глаза с небесно-голубыми линзами ярко выделялись на лице, как и искусственный румянец.

Судар не дал никому из потока выйти на перемену и сам не спешил удаляться. Он лично представил нам Левиц, сообщил, что следующую пару – практику энергетических поражений – будет вести у нас эта дама, и жестом руки дал понять, что студенты в ее власти. Сам встал поодаль. Я не могла взять в толк, почему черный маг не покидает аудиторию. А он ждал спектакля, представления.

– Здравствуйте, – елеинным голосом начала преподша. – Меня вам представили, представьтесь теперь и вы. Поднимаетесь, называете себя, и по тому, как вы это сделаете, я сразу пойму, чего каждый из вас стоит.

«Чего каждый из вас стоит». Поразительная наглость. Никто из преподавателей не позволял себе ничего подобного. С нами не сюсюкали, конечно, но, несмотря на наши малые знания, относились по-человечески, без подчеркнутого пренебрежения.

– Начнем с вас, – Левиц указала рукой в правый угол галерки. – Потом дальше по ряду и назад, – пальцем она изобразила в воздухе змею, чтобы мы поняли, в каком порядке предстоит вставать и доказывать пергидрольной даме свою состоятельность.

Левиц заложила руки за спину и с надменной полуулыбкой приготовилась слушать. Я порадовалась в душе, представив, какой «теплый» прием ждет выскочку, но горько ошиблась. Каждый первокурсник с потока поднимался и называл себя серым блеклым тоном, будто старался затеряться, остаться незамеченным. Только трое наших хулиганов, представляясь, посмеивались. Но не над ней, а между собой, мимикой извиняясь перед преподавательницей: мол, мы не нарочно и ничего плохого в виду не имеем, просто у нас тут особый статус, надо соответствовать. Левиц расплылась в улыбке, наблюдая за подобострастием на их лицах. Дальше все продолжали представляться серенько и бледненько.

Я сидела во втором ряду. Когда подошла моя очередь, еле сдерживала рвущиеся наружу гнев и негодование.

– Александрова Элеонора! – произнесла громко и отрывисто, одарив Левиц таким взглядом, который, как я надеялась, она запомнит надолго.

Горгона запомнила, но об этом – позже. И мой тон, и движения говорили – нет, кричали, – как я на нее зла и за себя, и за однокурсников. Садясь на место, увидела, что Судар пристально смотрит на меня и неодобрительно качает головой. Он стоял у двери, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. Левиц не могла видеть черного мага.

Мужчина своим неодобрением подсказал мне: я только что совершила большую глупость. Если хочешь обмануть человека, не давай понять, что собой представляешь, веди себя как можно незаметней. И уж конечно, не выпрыгивай на амбразуру и не ведись на провокацию. Я покаянно положила ладонь на лоб, всем своим видом демонстрируя, что дура я, дура. Судар прикрыл глаза в знак согласия, будто говоря: «Вот именно». Левиц не видела этого молчаливого диалога. Она мучила студентов в первом ряду. Я переключилась на происходящее в аудитории, когда услышала голос Ланы. Та, запинаясь, называла себя почти шепотом. Ее тон расшифровывался легче легкого: «Я вас боюсь».

Какая-то пигалица осмелилась перечить не кому-нибудь, а черному магу, кандидату наук. Я уже о себе любимой и о преподавательнице, которая оказалась на редкость злопаметной. Если на то пошло, наша дама могла сделать вид, что ничего не произошло, забыть и забить. Ну, подумаешь, не тем тоном ей ответили да не так посмотрели. Сама же провоцировала. Но преподша была из другого теста. Горгона ненавидела меня за выходку между лекциями долго и, если можно так выразиться, со вкусом. Всегда разговаривала вежливо, с улыбочкой, но глаза с неприкрытой злобой смотрели на ту, кто посмел ей хоть в чем-то перечить. Доходили слухи, что Горгона, разговаривая с другими преподавателями, весьма нелестно отзывалась обо мне, принижала мои способности, как могла. Старалась подвести их к решению, что мне не место в вузе и после третьего курса неплохо бы отчислить «нерадивую» студентку. До сих пор не понимаю, как и что меня спасло.

Я догадывалась, где еще Горгона вздумает отыграться, и не ошиблась. Преподаша собиралась нещадно валить меня на своих предметах, а потому пришлось готовиться к ним, как ни к каким другим. Левиц, как я уже сказала, вела у нас практику энергетических поражений на первом курсе, а еще карму на втором и психологию на третьем. Удалось сдать все экзамены с первой попытки, выцарапав почетный трояк за каждый, и все благодаря тому, что учила я не на пять, а на шесть. Знала даже то, что будут преподавать по данной тематике на старших курсах. Это меня и спасло. Горгона пыталась топить вопросами, которые предстояло осваивать студентам постарше.

– Где ты сейчас? – спросила я подругу.

В трубке слышались посторонние приглушенные голоса.

– погоди минуту, – попросила Лана.

По звуку шагов и открывающейся двери поняла, что она выходит из какого-то помещения.

– Столяров у Горгоны в кабинете, а мы вчетвером ждем своей очереди. Я следующая. Ох и боюсь я стервы.

– Мне подняться? – предложила Ланке моральную поддержку.

– Забей. Справлюсь. Тут же наши.

Да, друзья по несчастью не оставят Ланку страдать в одиночестве. И после аудиенции у Горгоны им будет что обсудить. Домой точно поедут впятером. Потому больше не настаивала на своем присутствии.

– А кто достался Татьяне и Катерине? – запоздало вспомнила я про неразлучных подружек-однокурсниц.

Трубка глубоко и сочувственно вздохнула.

– Им не легче. Лучанский. До понедельника он на конференции, так что девчонки уехали в клуб. Ждут проблем. Видела бы ты их физию...

Да уж, представляю. Лучанский – заместитель Судара и, пожалуй, полная противоположность своему молодому начальнику. Кажется, этого статного пятидесятилетнего красавца с серебристыми висками (да, для своих лет он чрезвычайно привлекателен) обожают все: и преподаватели, и аспиранты, и студенты. И кажется так ровно до тех пор, пока не познакомишься с ним поближе.

Я под его, не побоюсь своего сарказма, «чутким» руководством проходила практику. Это отдельная история. Расскажу в другой раз. Но узнала я о «совершенстве» в обличье преподавателя много неожиданного, неприятного и неприглядного. Мастер закулисных интриг, заговоров, психологического давления и прочих мерзостей души человеческой. Спиной не поворачивайся – нож гарантирован. Ходят упорные слухи, будто он возит на дачу студентов для интимных развлечений. Нашлась даже пара отважных девчонок, не побоявшихся огласки и накатавших на Лучанского «телегу» в деканат и на кафедру. Только выперли из университета их, а не заместителя Судара.

Ох и вляпались мои однокурсницы, крепко вляпались. Надеюсь, им повезет так же, как и мне во время практики: Лучанский их не тронет. Я готова проклясть Государя. Он каждому из нас назначил таких научных руководителей, что хоть в петлю. Может, это последнее испытание перед выпуском? Мол, если выдюжите, вытерпите монстров, то после окончания института с работой справитесь. Не знаю. Вряд ли помыслы профессора черной магии как-то касались заботы о нашем будущем.

– А тебе кого назначили? – прервала бег моих мыслей подруга.

– Мой научрук – Государь.

– Наш монстр?! Сам?! Да ты гонишь! – в трубке раздался недоверчивый смешок.

– А вот так, – вздохнула я.

– Погоди, – зашептала подруга. – Он же никогда не берет девчонок... – на заднем плане послышалось какое-то оживление, голоса. – Столяров от Горгоны вышел, – взволнованно залепетала подруга. – Теперь я. Пока. До созвона.

– Удачи! – только и успела пожелать я, когда на том конце услышала гудки.

Раз развлекательные мероприятия накрылись медным тазом, я быстренько стогняла в библиотеку, где прихватила пару книг про маньяков, зашла за пальто в раздевалку и уехала домой. Хотелось поскорее раскрыть полученную на руки литературу и узнать, чем грозит работа на Судара.

Что вам рассказать о своем жилье? Дому, в котором обитаю с детства, тридцать лет от роду, то есть от года постройки. Моя однушка, требующая срочного ремонта, на который все равно нет денег, – на третьем этаже.

Я отперла слабенькую входную дверь (смысла во второй, железной, нет: брать у меня нечего) и бросила рюкзак рядом с большим зеркалом в прихожей. Включила свет, сняла и убрала уличную одежду и, надев на ноги шлепки, потопала в душ освежиться и привести мысли в порядок.

После водных процедур нацепила удобный спортивный костюм и побрела на кухню. Эх, хотела бы я однажды войти сюда и увидеть евроремонт. Куда там?

На противоположных стенах висят два желтых шкафчика, где прячутся всякие мелочи и утварь, и такой же желтый столик ютится у мойки. Им лет больше, чем мне. Зато аж блестят: регулярно их протираю и мою. Обеденный стол не большой, а огромный. Надежный, довоенный, из натурального дерева. Выдержит все: удары, работу закрепленной на нем мясорубки, три моих веса. Это для массивного стола – так, семечки. Порой кажется, что он любую бомбежку переживет. А может, во время Второй мировой даже пережил.

Что у меня тут еще? Обои-клеенка в цветочек, плитка бежевая. Из нового только холодильник и электрическая плита – самое необходимое, что только может быть на кухне. На потолок глаза мои не глядели: краска на одном квадранте лупится и висит клочьями. Того и гляди в раковину падать начнет. Я глубоко вздохнула, глядя вверх. Денег на ремонт все равно нет, зря переживаю. От моих охов и вздохов ничего не изменится. Прошла в глубь кухни, включила чайник, достала из холодильника сваренный кусок индейки, порезала и закинула в микроволновку. Наскоро подкрепившись, прихватила две книги про маньяков, проследовала в свою комнату, где перво-наперво занялась стягиванием с кровати покрывала.

Моя опочивальня выглядит на порядок лучше, чем кухня, но и она не идеал. Бордовые обои с вензелями из роз, окаймленных золотом, и недешевые шторы с ламбрекенами зрительно делают скромное убранство спальни богаче. У стены – хлипкий столик, на котором гордо возвышается монитор с плоским экраном. Телевизор пылится на тумбочке: у меня все равно нет времени его смотреть. Шкаф, сервант да кровать.

Сложила покрывало и кинула на ближайший стул. Разворошила заправленную кровать и беззастенчиво забралась под теплое одеяло, приготовившись знакомиться с новой литературой.

Первая книга написана кем бы вы думали? Женщиной. На заре карьеры она сотрудничала с полицией Ричмонда. Позже, волею судьбы, работала в морге, потому прекрасно знакома с патанатомией. В начале 2000-х лично расследовала дело Джека-потрошителя, потратив на это немало времени, сил и средств. От королевского дома Великобритании получила официальный статус главного специалиста по данному вопросу. Все перевешивал тот факт, что дама сия стала известной писательницей детективных романов. Кто после этого отнесется к ее страданному труду о Потрошителе серьезно? А впрочем, что я теряю?

Другая книга посвящена маньякам, орудовавшим в СССР и России. Написана полковником, всю жизнь проработавшим в милиции и специализировавшимся как раз на серийных

убийцах. Конечно, такая работа внушает больше доверия, но... Перемещаться на места зверских убийств придется не астрально, не мысленно, а лично, используя портал времени. Это значит что? Переместись я в СССР или Россию, шансы случайно изменить прошлое так, что это отразится на мне и моей семье в настоящем, достаточно высоки. А если заняться Джеком-потрошителем, наводившим ужас на жителей Лондона с 1888 года, смогу ли я навредить себе? Маловероятно. Поэтому потянулась за трудом известной писательницы, и ни секунды не пожалела.

Автор подарила мне сведения, которых больше нигде было почерпнуть. Во-первых, известнейший в истории маньяк носил с собой саквояж или сверток, куда мог прятать нож, чистую, а потом и забрызганную кровью жертв одежду, равно как и выпотрошенные органы. Во-вторых, в книге указаны точные адреса, время смерти жертв и даже погода, которая стояла в ночи убийств. Последнее может показаться несущественной мелочью, но для человека, собирающегося попасть в 1888 год, в Лондон, это чрезвычайно важный и нужный факт.

Перелистав страницу за страницей, я поняла, какой информации мне не хватает от Государя и Игоря, какого оборудования, чтобы начать планировать путешествие.

Я взяла листок в клеточку, положила на книгу, разделила ручкой на две части, одна из которых предназначалась для вопросов Судару, вторая – красавчику-аспиранту.

Прежде всего надо выяснить, у каких жертв маньяков время уже забрали. Если Судар или другие маги, знающие способ продлить свою жизнь, «поработали» на местах убийств Потрошителя, то я зря трачу драгоценное время, штудировав литературу о лондонском маньяке. Эх, жаль, у меня нет мобильного Судара. При мысли о звонке профессору черной магии желудок пугливо сжался и меня передернуло. Но что делать? Срочно нужна информация, из-за нее завтра придется ехать в университет и дожидаться аудиенции у Самого, если он вообще соизволит посетить вуз. А так, один звонок – и проблема решена.

Следующий вопрос. Если аспиранты уже вели наблюдения за изменениями в эфирных телах маньяков и их жертв, то и про эти убийства мне стоит знать. Какой смысл рисковать собой, перемещаясь в места, где все исследовано до меня? Сначала этот вопрос следует адресовать Государю: черный маг владеет всем объемом информации. Ежели скажет, что сведения можно получить у Игоря, обращусь к своей тайной любви. Еще нужен прибор для переброски во времени. Кстати, номер телефона Вильянова тоже не помешает. Не разыскивать же аспиранта, как Государя, по всему университету, если понадобится что-нибудь узнать.

Планируя дела на завтра и читая книгу, я не заметила, как уснула.

* * *

«Вот чего я рогом уперлась? Сегодня мог быть мой законный выходной. Хорошо, что не в семь утра вставать», – ругала себя, следующим утром поднимаясь на пятый этаж. И все ради того, чтобы встретиться с Государем. По его делу, между прочим, – не по моему.

– У себя? – не здороваясь, спросила я у секретаря резковатым тоном, ворвавшись в приемную Государя.

Парень лишь слегка изменился в лице, внешне выказав недоумение, но не возмущение моим нахальством.

– Да, – ответил Леха, продолжив разбирать документы на столе. Именно от этого занятия я оторвала молодого работника, так некстати заявившись на секретарскую территорию.

– Один?

– Да.

Все-таки у секретаря Судара железная выдержка. Любой другой просто из вредности сказал бы, что у профессора совещание или его нет на месте и появится он неизвестно когда.

Алексей весьма ответственно подходил к своим обязанностям и не давал воли эмоциям, в отличие от меня.

– Примет?

– Сейчас узнаю.

То ли мне показалось, то ли в тоне Лёхи Ярыгина все же мелькнули рычащие нотки, выдававшие раздражение. Только досада была связана с тем, что от работы отрываю.

Похоже, он не любит, когда на цыпочках подкрадываются и просительно заглядывают в глаза, чтобы замолвил словечко и постарался ускорить аудиенцию у Государя. Интересный парень. Не жаждет чувствовать пусть малюсенькую, но власть над приходящими людьми. Значит, уверен в себе и самодостаточен, что необычно при подобной должности. Впрочем, он тоже студент, просто учится на вечернем. И, как я слышала, пробился в некроманты. Да уж, тогда превосходства над младшекурсниками и черными магами ему хватает с лихвой, не говоря о превосходстве над простыми смертными.

Ярыгин отодвинул бумаги и в три широких шага оказался у двери начальника, постучался и, услышав голос Судара, вошел. Через минуту пред светлые очи черного мага предстала я.

– Здравствуйте! – выпалила с порога и только открыла рот, чтобы продолжить, как Государь меня перебил.

– Что? Сегодня опасности нет, решили отказаться?

Черный маг стоял у окна, скрестив руки на груди, и, как только я вошла, чуть повернул голову, чтобы видеть мою несчастную физиономию. Многозначительная недобрая ухмылка Государя будто говорила: «Найду иной способ заставить тебя, еще интересней вчерашнего. Только дай повод».

Не посчитав нужным отвечать на вопрос, выпалила:

– Вы ведь уже забирали время у жертв маньяков?

Ого! Похоже, Судар не ожидал от меня такой прыти. Даже бровь приподнял, оценивая мои слова и взвешивая свой ответ.

– Допустим.

Значит, да.

– И кто-то еще?

– Не исключено, – Судар развернулся ко мне и сунул руки в карманы серых брюк, словно давая понять, что теперь я действительно заслужила право на его внимание и время.

– Кто же? – осмелев, закинула я удочку, почти не надеясь услышать имена. Не ошиблась.

– Это к делу не относится.

Потрясающе. Мог бы не церемониться и сразу сказать: «Это не вашего ума дело!» – чтобы не забывалась впредь. Решил на неуместный вопрос ответить вежливо. Чудеса, да и только.

– Мне нужна информация! – заявила я и выложила, что мне потребуется список жертв, у которых отобрали время, и список жертв, за которыми вели наблюдение.

Оба списка было велено взять у секретаря через полтора часа.

Утром, собираясь в университет, сообразила: потребуется устройство, прибор, позволяющий забирать время. И тут не последовало отказа. Государь не спеша подошел к столу, нагнулся, и я слышала щелчки. Ага, Судар запирает ящики на ключ.

На стол легла черная бархатная коробочка, по размерам сопоставимая с карманным словарем. Маг открыл ее без всяких заклинаний и хитростей. Обычная серебристая защелка у такой ценности? Где это видано? Внутри лежали пять... полых линз. Я неуверенно поднесла коробку к глазам, чтобы рассмотреть приборы для похищения времени – а в том, что это были именно они, сомневаться не приходилось. Почти как часы. Одна-единственная

стрелка стоит на двенадцати. Деления особые: 1 год, 2 года и так далее. Каждая линза может вобрать в себя 12 лет.

Как объяснил мне Государь, в течение получаса после гибели жертвы линзу надо поднести к ауре – лучше выбирать район головы или сердца – и нажать маленькую кнопку над стрелкой. Остальное произойдет без моего непосредственного участия: прибор всосет все, что сможет. Если несказанно повезет и линза переполнится, нужно поднести вторую и продолжить забор временных остатков.

Я закрыла бархатную коробку, раздался щелчок... Вернула вещицу на стол и попыталась открыть. Не тут-то было! Оказывается, защелка у этого ящичка чрезвычайно надежная. Получилось лишь с третьего раза. Судар стоял, скрестив руки на груди, и посмеивался над моими попытками, впрочем, не отпуская никаких комментариев, за что я была признательна.

Убедившись, что коробка не раскроется в самый неподходящий момент, убрала в рюкзак.

А еще Судар совершенно спокойно отреагировал на мою просьбу дать номер телефона. Лично впечатал его в мой мобильник.

– Кого выбрали, если не секрет? – поинтересовался черный маг, возвращая мне старенькую «Нокию».

– Джека-потрошителя. Для начала.

– Отлично. Там еще конь не валялся.

Меня это немало удивило. Самый знаменитый серийный убийца, и никто не полюбопытствовал до сих пор? В чем подвох?

– Вот и поваляюсь первой, – недовольно буркнула я, обрадовавшись, однако, что моя основная наметка не сорвалась.

– Надеюсь, вам хватит здравомыслия и вы не станете выяснять личность Потрошителя.

Такая идея у меня возникала, не скрою. Наверное, многие, оказавшись на моем месте, загорелись бы желанием попробовать.

– Здравомыслия хватит. Во-первых, Потрошитель, если верить источникам, отлично гримировался. Даже изучив портреты всех подозреваемых по делу, я его не узнаю, – тут совершенно не лукавила. У меня отвратительная память на лица: я соседа из квартиры напротив узнать не могу. Мужчина искренне обижается, когда сажусь с ним в лифт и вежливо интересуюсь, на какой этаж ему ехать. «На ваш же! Я живу в тридцать шестой». Это вечный конфуз. Лицо у него знакомое, приятное, но – вот подстава – совершенно незапоминающееся. Таким людям надо в спецслужбах работать.

А с Потрошителем мою «завидную» зрительную память еще и гримом напрягут. Никаких шансов. Но знать о делах моих скорбных Государю совершенно ни к чему.

– А во-вторых, женщине рядом с серийным убийцей делать нечего. Не хочу, чтобы меня располосовали и вырезали матку.

Губы Судара чуть дрогнули. Казалось, на черного мага произвело впечатление, что я говорю о страшных вещах спокойно: не то что не трясаясь от страха, но даже глазом не моргнув.

Итак, обзаведясь новым устройством и сделав зарубку в памяти «через полтора часа зайти за списками к секретарю», я рысью бросилась на поиски своей любви – Игоря Вильянова.

Глава 3. Куратор

И, пробежав приемную и всего один коридор университета, запаниковала. Я увижусь с парнем своей мечты. Целый год по нему сохну.

Хорошо, что в коридоре пусто, можно оглядеть себя с ног до головы, не провоцируя студентов на хихиканье, шуточки и издевательские покручивания пальцем у виска. За неимением большого зеркала встала перед окном, повернулась вправо, влево, покрутилась. Вроде хорошо. Юбка длинная, шерстяная, с разрезом спереди от колена. Сапожки чуть выше середины икры. Черные, как и юбка. Каблуки. Короткая красная кофта в обликпу. Есть за что глазу зацепиться. Выгляжу, как человек, который приходит получать знания, но и про внешний вид не забывает.

На самом деле про внешний вид я забываю постоянно, а в университет хожу только за знаниями, но сегодняшний день должен стать исключением.

Приблизилась к окну вплотную. М-да, лицо напуганное и бледное. Ну и ладно, зато у меня кожа идеальная и губы бантиком. Надеюсь, Игорю нравятся девушки с нежной внешностью, а не тип вамп. Сделала несколько глубоких вдохов и пошла навстречу судьбе. Будь что будет.

Где его искать? По логике, надо заглянуть в преподавательскую: там заседают и преподаватели, и аспиранты. Если Игоря нет, спросить, куда мог пойти. Но знают ли они ответ? Второй вариант – старшая лаборатория. Существует младшая лаборатория, где эксперименты ставим мы, студенты, а есть старшая, где этим занимаются аспиранты и преподаватели.

Самое поганое, что Игорь во время сессии может находиться где угодно. На первом курсе лабы у моей подгруппы вела аспирантка. Правда, под присмотром доцента, который вел их же у второй подгруппы в другой половине помещения, но все же... И экзамены они принимали у нас вдвоем. Так что Игорь может экзаменовать младшекурсников в одной из многочисленных аудиторий.

Прикидывая все это в уме, подошла к преподавательской, взялась за ручку двери, и... меня накрыла паника. Опустить ручку вниз, а тем более войти оказалось выше моих сил. А вдруг Игорь там? «И прекрасно! Ты же его ищешь», – подсказывала моя здравомыслящая рациональная половина. «Но мне страшно!» – сопротивлялась ей влюбленная.

И что прикажете делать? Его там, может, и нет, а у меня уже колени дрожат, руки не слушаются и язык к нёбу прилип. Сердце и вовсе заходится. Нетвердой поступью отошла от двери, чтобы подумать.

Выход найден. Это дольше, и я затратчу некоторое количество энергии, однако результата достигну без внутренней паники. К слову, это несложное упражнение на концентрацию внимания мне еще и успокоиться поможет. А поступить я решила просто: заглянуть в преподавательскую и старшую лабораторию не физически, а эфирным телом. Огляжусь, пойму, есть ли там Игорь, вернусь в свою тушку¹, и уж тогда...

Встала прямо, опустила руки и, дыша ровно и спокойно, сосредоточилась на энергии, которую излучают клетки тела, окутывая его снаружи и пронизывая внутри, образуя единое энергополотно. Есть контакт. Прочувствовала свои эфирные конечности, сделала шажок одной эфирной ногой, второй... и наконец полностью отделилась от физического тела. Подошла к преподавательской и заглянула внутрь, не открывая двери. Ага, отлично. В помещении почти пусто, если не считать мебели и парня чуть старше меня. Похоже, аспирант. Больше ни

¹ Тушка – жаргонное название физического тела, употребляемое в среде магов.

души. А чему я удивляюсь? Все преподаватели экзамены принимают. Странно, что Судара застать удалось. Так, здесь неинтересно.

Следующая – старшая лаборатория. Иду, снова просачиваюсь сквозь дверь. Осматриваюсь. Джунгли, иначе не скажешь. Растения не только на полу стоят (в горшках, конечно), но еще по стенам и потолку стелются. Вьюнки, наверное, раз за проволоку цепляются и вверх ползут. Все столы и стулья расположены по периметру огромного помещения, центр полностью свободен. И я сразу понимаю, почему в середине ничего нет. Два аспиранта, стоя на приличном расстоянии друг от друга, проводят какой-то опыт с энергией. Нагнетают ее между ладонями и делают пассы, резко бросая энергосгустки один в другого. Может, просто дурачатся? А то какой-то паранормальный волейбол получается.

У левой стены аспирант колдует над зверьком в клетке. Животинка маленькая, но мышь или хомяк, разглядеть не могу. Используя эфирное тело и собственное сознание, иногда можно рассмотреть мелкие детали (такие, как проволока, протянутая под потолком для блага вьющихся растений), а иногда и зверушку не различить. Почти напротив двери, чуть сбоку, за столом не сидит, а почему-то стоит еще один аспирант. Впечатление, что с опытами закончил и собирается уходить. Мое сердце екает. Это же Игорь! Вот он! Здесь!

– Смотри-ка, эфирка² в дверях стоит! – кричит один из поклонников энергетического волейбола.

Пугаюсь и выбегаю в коридор. Мгновенно возвращаюсь в физическое тело и осознаю, как некстати меня застукали. Мне же туда, в лабораторию, идти. Поймут, кто любопытствовал. «А ну и что?» – накатывает на меня внезапный порыв смелости. Пусть докажут, что это я, а не кто-то из младшекурсников проходил мимо и тренировал полученные навыки перед экзаменом.

Тем временем в старшей лаборатории аспиранты созвали экстренное совещание, на котором постановили встретить непрошеного гостя, хозяина эфирки, «достойно и с почестями». Другими словами, преподать любопытному простенький, но ощутимый урок. На пакость помасштабнее не осталось времени.

Я немного выждала в коридоре, потом подошла к лаборатории, юркнула внутрь... Как в замедленной съемке видела, что каблук зацепился за невесть откуда взявшийся резиновый коврик с крупными отверстиями и я со ступеней рухнула на пол, на четвереньки, больно ударившись коленями и расцарапав ладони.

В помещении раздался дружный ржач.

– Зачем же сразу челом бить, цыпа? – выступил один из присутствующих, и прогремел новый взрыв хохота.

Унижение, да еще на глазах парня своей мечты... В первую секунду мне захотелось или провалиться сквозь землю, или вскочить и, вытирая слезы, выбежать отсюда, или поубивать гадов-аспирантов. Последняя мысль понравилась мне больше других, адреналин придал сил, уверенности и, главное, ярости. Я вскочила на ноги почти так же быстро, как распрямляется сжатая пружина, наскоро отряхнула черную юбку от пыли и с каменным лицом прошествовала к окну, где еще недавно за столом стоял Вильянов. Он и сейчас там был.

А вот теперь уже не смешно. Мне хотелось расцарапать его смазливую, улыбающуюся во всю ширь физиономию.

– Игорь Вильянов тут обретается? – гаркнула я, прекрасно зная: передо мной именно он. Ярость подсказала: лучше не демонстрировать, из-за кого я тут топталась пару минут назад. Вопросов меньше будет. Сделать вид, что не знаю, как выглядит мой будущий куратор, которого я обожала и которому сейчас желаю корчиться в муках или как минимум испытать то же унижение, что и я.

² Эфирка – эфирное тело.

– Ага, где-то здесь пробежал, – заявил красавчик.

Значит, приколы все еще продолжаются.

– Найти никак? – снова рявкнула я. Ноздри раздувались помимо воли, зубы сжимались, а щеки, я чувствовала, горят.

– Димон, слышь, ты Вильянова не видал? Смотри, как девушка напирает, – обратился красавчик к полному парню, колдовавшему все-таки над белой крысой. Тот отрицательно мотнул головой и зажал рукой рот, чтобы не заржать. Говнюк!

– Все ясно. Вильянов – это ты! – обвиняюще ткнула пальцем в красавчика.

– Готов признать очевидное, – Вильянов поднял руки, будто соглашаясь на поражение.

– Сразу сказать не судьба?!

Вопрос риторический. Однако происшествие мгновенно проветрило мою влюбленную голову хотя бы на какое-то время.

– Я по делу. Буду писать дипломную работу по маньякам. Тебя назначили моим куратором.

Парень мгновенно перестал лыбиться, посерьезнел и задал вопрос, который поставил меня в тупик.

– Кто назначил?

У меня даже ярость пропала. Я недоуменно глянула на аспиранта.

– Разве не научный руководитель прикрепляет студентов к своему подопечному?

– Обычно да, – спокойным и серьезным тоном пояснил Вильянов. – Но бывают исключения.

Троица, находившаяся здесь, молчала. Спиной чувствовала их взгляды. Все внимание сосредоточилось на нас с Вильяновым.

– Если тема диплома как-то совпадает с моим диссером, – продолжил он, – студента могут прикрепить ко мне без участия научрука. Так кто из преподавателей назначил меня твоим куратором? – выдержав паузу, повторно поинтересовался красавчик.

– Судар! – сухо ответила я.

Аспиранты в комнате уважительно присвистнули и вернулись к своим занятиям. Похоже, это имя творит чудеса. Никто больше не пялился в спину, выискивая шанс поиздеваться.

– Ты же... – брови Вильянова поползли вверх, а глаза увеличились в размере.

– Девчонка, – закончила я за него.

Один из треков группы Volbeat прервал нашу беседу. Звонил телефон Вильянова. Парень схватился за карман джинсов и извлек раскладушку «Моторолу» на свет божий.

– Да, Горан Владиславович. Да, здесь. Напротив меня стоит. Думал, это будет студент, а не студентка.

Ответ, прозвучавший в трубке, заставил Вильянова закашляться. Парень сделал это специально. Не хотел, чтобы стало слышно, в каких выражениях его отчитывают.

– Видимо, я неверно вас понял, извините, – с трудом выдавил из себя аспирант.

Ага! Извиняться перед научруком в моем присутствии не нравится. Конечно, я злорадствую. Унижение, испытанное мной, не идет ни в какое сравнение с неловкой ситуацией, в какую попал Вильянов.

– Да. Да. Сделаю. Да. Всего доброго.

По разговору несложно понять: Судар дал распоряжение всячески мне содействовать. Еще бы! Профессору, как воздух, нужно время, которое увеличит отпущенный ему срок. Что может быть важнее?

Воспользовавшись ситуацией, я нахально ухмыльнулась. Ну? И кто здесь кум королю, то есть кума Государю? Хоть какой-то прок от грязной работы, взваленной на мои плечи заведующим кафедрой.

Вильянов схлопнул «Моторолу», запрятал в карман джинсов, и тут... Я-то решила, что куратор присмирееет от звонка Судара, как притихли другие аспиранты, едва услышав фамилию профессора черной магии. «Рано обрадовалась и не на того напала», – красноречиво говорил снисходительный взгляд красавчика, теперь оценивающий меня с ног до головы. Аж захотелось съежиться под взглядом карих, почти черных, глаз. Нельзя давать слабину, нельзя.

«А он молодец», – невольно восхитилась я. Верно сообразил. Пусть Судар якобы и благоволит мне – что далеко не так, – но не значит же это, что я рвану на пятый этаж и пожалуюсь на плохой прием куратора. Ученик стоит своего учителя. Говоря проще, аспирант стоит своего научного руководителя.

Вильянов лениво, с чувством собственного превосходства протянул руку для пожатия: – Игорь.

Я сделала ответный ход. Вытянула перед собой обе руки, демонстрируя грязные ободранные ладони.

– Лея. Извини, пожать не могу: саднит сильно. Пойду в медпункт за йодом и пластырем.

Ободранные ладони красноречиво напомнили об издевательствах. Я с облегчением увидела, как по лицу парня пробежала тень. Он чуть опустил глаза, поджал губы и вздохнул. Видно, устыдился недавнего поведения.

– Ла-а-адно, – протянул он примирительно. – Йод и пластырь есть в аптечке. Сейчас принесу, а ты пока смой это, – он кивнул на мои руки, имея в виду пыль, прилипшую к ранкам.

Я дернула плечом и направилась к раковине, установленной недалеко от двери. И только теперь заметила, что злосчастный резиновый коврик, о который споткнулась, пропал. Значит, я не могла видеть его, заглядывая в лабораторию. Сделали иллюзию, и я попала в ловушку. Внутри снова закипал гнев.

Я отдирала грязь с ранок, не чувствуя боли. Хотелось отплатить парням той же монетой, чтобы nepовaдно стало. Но как?

Выносить план мести не успела. Игорь окликнул. Он ждал, сидя за столом у окна, с аптечкой в руках. Вытирая руки бумажным полотенцем, поморщилась от боли, выбросила намоченный скомканный лист в мусорное ведро и поплелась к куратору. Помочь обработать ладони йодом не дала – вырвала из рук парня ватку, смоченную коричневым раствором, и стала прикладывать к ранкам то шипя, то дуя на них, то тихо поругиваясь.

Игорь спокойно наблюдал за повторным всплеском моей ярости. А пластырем заняться без своего вмешательства уже не позволил. Ни слова не говоря, прижал к столу одну мою руку, осторожно обклеив телесными полосками, вторую... Кажется, я задышала быстрее и щеки предательски порозовели. Прикосновения Игоря были настолько приятны, обжигающие, что я оттаяла. «Слабачка», – ругнулась на себя мысленно.

– Ну, что? Мир? – очаровательно улыбаясь, спросил Вильянов, закончив заботиться о моих ладонях.

– Согласна на перемирие, – протянула я, для вида надув губы и стараясь не смотреть на куратора. Надеюсь, он ни о чем не догадался, даже если и заметил реакцию на прикосновения.

– Нам еще вместе работать, – напомнил он, хитро прищурившись.

Вздохнула, протянула руку и сказала, стараясь, чтобы голос звучал несколько обреченно:

– Уговорил. Мир.

Игорь осторожно пожал пальцы, чтобы не причинять боли, и снова обезоруживающе улыбнулся. Больше я не могла на него злиться, а предательская влюбленная половина ликовала и скандировала: «Ура-ура! Я познакомилась с Игорем! Наконец-то!»

«Да, только он не такой душка, как хотелось бы», – упредила моя рациональная часть, но влюбленная и слышать ничего не желала. Бешеный стук сердца, мандраж, волнение подсказывали, что рациональность сдала позиции. Победила влюбленность.

А дальше? А дальше мне пришлось назвать тему диплома (прикрытие для работы на Судара), сбивчиво рассказать о фактах из жизни Потрошителя, что успела узнать из книги, и попросить прибор для перемещения во времени.

Я получила вещь, более всего напоминающую черный кожаный ремешок от мужских часов. Почему именно от мужских? Грубый рубленый материал браслета, значительная ширина, большой квадратный замок – в общем, внешняя массивность вещи не позволяла думать иначе. Да и запястье мое узковато для этого чуда техники. Застегнула, продев язычок замка в самое последнее отверстие. Все равно великовато. Пришлось подтянуть ремень ближе к локтю. Ну вот, теперь не свалится.

На месте циферблата – большая серебристая кнопка, выпуклая и гладкая. Без видимого усилия давлю на кругляш – тут же всплывает прозрачный сенсорный экран, нажимая на который можно ввести данные о месте и времени отправления и назначения. Игорь быстро показывает мне, как с этим обращаться: вводит данные, взятые из головы, стирает. Предлагает мне сделать то же. Успешно повторяю. Вопросов о пользовании прибором времени более не возникает.

Густо краснея, прошу номер телефона. Куратор даже не думает удивляться или искать в просьбе скрытый смысл. Диктует цифры – я ввожу в старенькую «Нокию».

Забираю... машину времени? Нет. Часы времени? Почему для дьявольского прибора нет официального названия?! Короче, беру браслет времени, кладу в крайний карман рюкзака, и на этом мы с Игорем прощаемся.

До назначенного Сударом срока осталось целых полчаса. Недолго мне пришлось решать, как провести их с пользой. Вспомнив, что не сдала вчера зачетку в деканат, хлопаю себя по лбу и бегу с третьего этажа, от старшей лаборатории, на второй, к деканату.

Стоп! А ведь я вчера была в таких растрепанных чувствах, что даже не удосужилась глянуть, какую оценку Государь поставил за экзамен. Останавливаюсь у небольшого кресла, кидаю на него рюкзак, достаю зачетку и раскрываю. На последней странице на четвертой строке размашистым почерком, захватывая строку сверху и снизу, выведено твердой рукой:

Взаимодействие с косм. т. 5 (отл.). 20.01.15 Г. Судар

Черный маг не способен соблюдать требуемые границы, даже выставляя оценку за экзамен.

Оценка меня не удивляет и не радует. Захлопываю студенческую книжицу и несусь в деканат.

Проторчать там пришлось прилично, ибо ни декана, ни его заместителя на месте не оказалось. Пришлось ждать. Секретарша, воспользовавшись отсутствием обоих начальников, уткнулась по своим делам. Вернулась, как раз когда я начала нервничать, поглядывая на часы и решая, не навестить ли Леху Ярыгина прежде, чем сдать студенческий документ. Облегченно вздохнув при появлении женщины, вручила зачетку и поспешила на пятый этаж, к секретарю Судара.

Юркнула во владения Ярыгина и неслышно прикрыла за собой дверь. Он нервно шагнул от стены к стене в дальней части кабинета, что за секретарской стойкой, и отрывисто, кратко и даже агрессивно отвечал кому-то по мобильному.

– Не бери на слабо, подонок. Да, буду. Да, не один. Иди на &@\$! Угу, бывай.

Я безумно хотела узнать, кто угрожал ему по телефону. Но мы не настолько знакомы, чтобы я могла спросить.

– А тебе чего? – не слишком любезно буркнул секретарь Судара, увидев меня второй раз за день. – Ушел он.

– Кхм... Горан Владиславович должен был передать кое-что через тебя.

– Ах да! – брови Лехи вздернулись. Вспомнил, наконец.

Парень протянул запечатанный конверт, на котором размашистым почерком Судара было написано «Александровой Э.».

Вот и отлично. Я пробормотала слова благодарности и, вертя в руках упакованные в белую бумагу вождеденные списки самых жестоких убийц, шагнула за порог...

– Погоди.

Я обернулась.

– Что такое?

Леха молчал. Недоуменно пожала плечом, вернулась в приемную и закрыла за собой дверь.

Подперев подбородок ладонью, Ярыгин внимательно разглядывал меня, оценивал с ног до головы, сам с собой что-то решая и прикидывая. Не самое приятное ощущение, скажу вам. Я человек, а не манекен в витрине магазина, чтобы так бессовестно и неприкрыто меня рассматривать. Внутри начало подниматься раздражение.

– В кино со мной пойдешь?

Хорошенькие новости. Он спрашивал так буднично, словно интересовался, льет ли за окном дождь или уже перестал. Никакого смущения, робости: ни порозовевших щек, ни потупленного взгляда. Чудеса нахальства.

– Нет, – легко отказалась я.

Во-первых, чтобы обломать. А что? Не худшая причина. Ланка любит надо мной посмеиваться, повторяя расхожую фразу: «Наш девиз непобедим – возбудим и не дадим». Да, это про меня. Во-вторых... какого лешего я потащусь с почти незнакомым парнем в кино? Ради приятной компании или веселого разговора? Бьюсь об заклад, не будет ни того, ни другого. Ради фильма? Да любой фильм, идущий в кинотеатрах, через пару месяцев можно посмотреть в Сети или скачать в отличном качестве, а еще чуть позже – увидеть на экранах телевизоров. И не факт, что киношка будет стоить потраченного времени. И последнее. Лишних денег у меня не водится. Даже на еду не всегда хватает. Если каждый заплатит за себя, я окажусь на мели до конца месяца.

– Почему нет? – искренне удивился будущий некромант.

– Тебе нечем меня заинтересовать.

Его даже нахальный ответ не смутил. Ни секунды возмущения или замешательства – только усмешка и хитрый прищур серо-зеленых глаз.

– Думаешь? – Он выдержал небольшую паузу. – Инфа о Сударе не нужна?

Я остоленела.

– Поладим! – я тут ни при чем: мои голосовые связки сами это выдали.

Рука потянулась к Лехе, и мы скрепили наш договор рукопожатием.

Мысль, почему он не позвал сокурсницу, меня не занимала по одной простой причине. Я думала, что знаю ответ. На некромантии девчонки не задерживаются – бегут, потому приглашение девчонки-мага показалось мне логичным.

– Как платим? – осмелилась прояснить мучавший меня вопрос, стараясь скрыть неловкость. – Каждый за себя или...

– Я приглашаю, значит, я и плачу.

«Точно поладим», – решила мысленно. Информация о Сударе мне ой как необходима. Надо же придумать, как выбраться из кабалы. А раз сведения предлагают даром, отказываться глупо.

Поход намечался на самый конец недели, на воскресенье. Времени еще полно. Я дала Лехе номер мобильного, данные Вконтакте и ушла.

В ближайшие дни моя голова будет занята другими проблемами. Перед путешествием в Лондон, к Потрошителю, нужно продумать и предусмотреть все до мельчайших деталей.

Размышляя о Потрошителе, я упустила главное. Ярыгин, судя по всему, не слишком интересовался мной как девушкой. Следовательно, ничего от нашего воскресного свидания не выигрывал. Я получала сведения и развлечение на халяву, а что получал он? Надо было думать прежде, чем соглашаться. Но в этом я раскаюсь позже, а пока... Пока я просто поехала домой.

Глава 4. Подготовка

Живу я одна. Совсем. Так получилось.

Начну-ка историю своей одинокой жизни издалека.

Мои родители поженились. Через пару лет мама забеременела, но отец стал настаивать на аборте. Говорил, что не готов, что слишком молод, что ребенок (смешно сказать) не от него. Словом, пускал в ход с десятков разных отговорок, психологически давил, издевался морально. Не помогло. Тогда дело дошло до физического измывательства. Он изнасиловал маму в день ее двадцатилетия, а она ведь была на шестом месяце. Всю праздничную ночь несчастная проревела от унижения, боли и горя, а наутро пошла в ЗАГС и подала заявление на развод, который тоже дался немалой кровью.

Мой папочка – могу произносить это слово только с издевкой – в день бракоразводного процесса, перед дверью зала судебных заседаний, пригрозил: «Учти, тебе со мной домой возвращаться. Если сболтнешь лишнее...» До моего появления на свет оставалось два с половиной месяца.

После потрясений роды были очень тяжелыми. Рассказывали, что мы едва не умерли обе: и я, и мама.

Ну, ничего, выкарабкались. Я с рождения была бойцом. Боролась за жизнь еще до первого вздоха в самом буквальном смысле. Родилась, затянута в петлю пуповины, захлебнувшаяся околоплодными водами, синяя. Не то что кричать не могла – дышать. Но когда набрала воздуха в легкие, взвыла сиреной. Врачи сразу сказали: «Эта будет жить, несмотря ни на что».

Отец пытался вернуться, когда мне стукнул год. Мама готова была простить мерзавца-родителя, если он по-человечески отнесется к дочке. Вслух о своих намерениях ничего не сказала, стала наблюдать. Он издевался над словами, которые я только училась выговаривать, обзывал птеродактилем – это годовалую-то кроху – и каждый раз доводил до слез. Так что... своими родителями я всегда называла двух человек: маму и бабушку. Да, именно так, потому что родитель – тот, кто воспитал. Мысль неновая, но, как по мне, абсолютно справедливая. А мой биологический отец? Это так, донор спермы, пустой звук для меня. К слову, года через два он снова женился.

А мама? У нее были мужчины. И, не стану кривить душой, почти всех я не выносила: страшно ревновала. Только один мне нравился. Сергеем звали. Даже помню, что он родом из Якутии. А познакомились мы с ним, когда отдыхали в Хосте. Высокий, симпатичный, молодой, веселый – ну как он мог не понравиться? Роман продолжался год с небольшим. Эта (прошу прощения за мой французский) скотина бросила маму беременной. Уж не знаю, к счастью или к худу, но незадолго до их расставания я подхватила корь. Мама заразилась, пила лекарства и... случился выкидыш, что избавило ее от одного из самых непростых решений в жизни женщины. Я узнала о так и не родившемся брате или сестре не в семь лет, а гораздо позже.

В десять я потеряла бабушку, своего ангела-хранителя, а через год в нашем доме появился Юрий, мой – тогда еще будущий – отчим.

Вообще, с девяностых годов Юрий жил в США, а в России бывал время от времени по делам бизнеса.

Этот двухметровый детина с выпирающим животом и окладистой черной бородой меня сильно пугал. Нет, я не боялась, что когда-нибудь он меня ударит. Интуиция подбрасывала куда более страшный вариант развития наших отношений. Мама, похоже, тоже что-то почувствовала, ибо провела со мной разъяснительную беседу на щекотливую тему и велела: «Не дай бог что – сразу ко мне, сразу рассказывать». Наверное, интуиция у меня от нее. Как

способность предвидеть передается – генетически ли, энергетически ли, – не знаю. Но о наследовании паранормальных способностей известно давно.

Непоправимого со мной, хвала небесным силам, не случилось. Зато мама нашла в чемодане отчима комплект для садо-мазо: с плеткой, кожаными сапогами и прочими прелюбопытными аксессуарами. Да, мы почуяли неладное, но истолковали неверно. А может, и верно, но после подобной находки мужчина чувствует, как атмосфера в доме меняется не в его пользу, становится неуверенным. Не могу знать, как и с кем отчим «замечательный» набор опробовал, но разговор у матери с Юрием был... Представьте фурию, вышвыривающую здорового и не на шутку перепуганного мужика из дома. Представили? Это были моя маленькая (всего полтора метра ростом) боевая мама и отчим, который едва лбом косяки не задевал, когда в двери проходил. Юрий вернулся в США, где с переменным успехом пытался построить бизнес, а мы зажили как прежде.

Но интересы в России у отчима, а точнее, у его бизнеса не иссякали, а значит, в Москву Юрий периодически прилетал. В один из прилетов они с мамой – как бы для меня это при-
скорбно и удивительно ни было – снова сошлись.

Жили нормально. Хотя мне одно только присутствие отчима в квартире все нервы выматывало. Но я держалась, как могла. Даже о депрессии никто не догадывался.

Не могу с собой ничего поделаться: до сих пор вспоминаю один случай. Юрий что-то праздновал. Сделку ли обмывал, именины ли отмечал – все равно забыла, да и не это важно. Пригласил двух друзей. Выпивали, балагурили, общались на разные темы. И стукнула отчиму мысль продемонстрировать, что женщина, которая между столом и кухней суетится, его собственность. Я увидела, как бородатый дядька насильно усаживает маму себе на колени, лезет волосатыми лапищами ей под юбку, а его друзья одобрительно, хотя и с толикой зависти, посмеиваются над семейной сценой. Вой подняла на всю квартиру. Похоже, мой ор отрезвил всех и разом. Мать бегала ко мне в комнату успокаивать, а отчим даже извиняться приходил.

А потом у меня появился брат Славка. Отчим разрывался между Россией и США, мама носилась с малышом, а я была предоставлена самой себе. Тогда и потянулась к эзотерическим знаниям. В моей биографии, страшно признаться, даже составление натальных карт было. Но о них – в другой раз.

Время шло, и вопрос о переезде в Америку вставал все острее и острее. Мама оттягивала неизбежное, как могла: то говорила, что Слава слишком мал, то оправдывала задержку тем, что мне осталась пара лет до выпускного. Отчим с год все это слушал, кивал и в конце концов постановил: меня лучше оставить в России. Здесь еще можно получить образование бесплатно, а не баснословно дорого, как в Америке, да и обучаться на родном языке в разы проще и продуктивнее. Мы с мамой понимали: он нашел уважительную причину, чтобы избавиться от ненужного груза финансовых затрат, от нелюбимой падчерицы.

В США в восемнадцать заканчивают школу и нередко покидают родителей. Я осталась одна в шестнадцать. Практически сирота при живых матери и отце. Поначалу ревела белугой, страдала, металась, а потом свыклась. Мне даже понравилось жить одной, но пришлось это не через год и не через два.

Уже пять лет прошло. Мать присылает деньги, сколько может. На еду хватает, на одежду нужно копить, а о ремонте квартиры даже речи не идет.

Самое смешное, недавно отчим стал звонить, рассказывать, как он ждет меня в Америке после окончания университета. Так мягко стелил, что я уши развесила, мечтая увидеть маму и брата. Но бесплатный сыр только в мышеловке. Какая «свежая» мысль, правда? Начали проскальзывать фразы типа: «Лея, соберись к нам – московскую квартиру надо продавать. Я приеду и улажу все дела с документами». Это-то ладно. Но деньги от продажи он в бизнес вложить хочет. Нашел дуру. Каждый год прогорает, так еще и последнее, что

у меня осталось, решил превратить в зеленые бумажки – будь они прокляты! – и на ветер выкинуть. Хрен ему.

Напишу чертов диплом, получу у Судара рекомендации, приличное распределение, начну зарабатывать и сама выкручусь. Сделаю в квартире отличный ремонт, даже нет – евро-ремонт. И не потому, что он в моде, а потому, что мне импонирует такая обстановка. Только бы с Потрошителем разобраться. Удивительно, как иногда в жизни магов материальное переплетается с мистическим. И первый шаг, который я должна сделать на пути к цели, – подготовиться к путешествию в прошлое.

Предстоит выбрать одежду, в которой разумно отправляться в 1888 год. Конечно, мне негде взять наряды девятнадцатого столетия, но они и не нужны. Подберу варианты из своих тряпок. Главное, чтобы во мне не увидели женщину. Но сие почти недостижимо: рост метр шестьдесят пять, хрупкое сложение, грудь более чем заметна. Нет во мне ничего от мужчины. Впервые пожалела, что бог не одарил ни высоким ростом, ни широкими плечами, ни тяжелой походкой. Я даже за изящного юношу не сойду.

Хорошо, посмотрим на задачу под другим углом. На улице будет темно. Значит, Потрошитель не сможет меня разглядеть. А если сможет, то не сразу. Что может ввести в заблуждение, заставить сомневаться, что я женщина? Брюки и пиджак. В девятнадцатом веке ни одна женщина не оделась бы подобным образом.

Стоя перед большим зеркалом, вмонтированным в дверь вещевого шкафа, я втиснулась в брюки (ну и что, что женские – кто там поймет?). Ремень тоже лишним не будет. Прodelа его в шлевки брюк и застегнула. Грудь утянула длинным куском эластичной материи, поверх надела водолазку. И последняя деталь верхней одежды – но самая важная – длинный пиджак. Замечательно, что он великоват. Тяжелые подплечники удлиннили линию плеч, и без того неширокие бедра зрительно стали еще уже.

Ну вот, в двадцать первом веке во мне легко узнают женщину, но не в девятнадцатом. Аж от сердца отлегло. Не догадывалась, что так нервничала, так волновалась о результате. Однако ничего удивительного: от внешнего вида моя жизнь может зависеть. Станет ли Потрошитель нападать на мужчину – не знаю, на существо неопределенного пола, которое из себя леплю, – тоже не в курсе, а что сделает с женщиной – известно всему миру более ста лет.

Пора выбрать подходящую обувь. Бесшумную, удобную, без каблука. Каблук помог бы увеличить рост, но, если придется удирать, все пропало. Не сразу смогла выбрать между кроссовками и серыми спортивными ботинками. Кроссовки удобнее и теплее. А ботинки подкупают отсутствием шнуровки: в самый ответственный момент не наступлю на случайно развязавшуюся плетеную веревку и не растянусь на мостовой на радость убийце. Решено, выбираю ботинки.

Теперь волосы. Собрала их у шеи, перехватила резинкой, а получившийся хвост заправила за ворот пиджака. Еще раз придирчиво осмотрела себя с ног до головы. Кажется, годится. Рост маловат, но в остальном... если посмотреть издали – какая из меня женщина? Для достоверности выключила свет. Точно годится.

Порадовалась, что у пиджака широкие карманы. «Линзы» Судара без труда поместятся. Надо брать не всю коробку, а пару штук. И браслет времени сюда же положу, если понадобится снять с руки. А еще стоит забить на осторожность, наплевать на пространственно-временной континуум и взять электрошокер. Ну почему я так и не научилась отдавать мысленные приказы? Ни один маньяк подойти бы не смог. Фигóвый из меня маг.

В день переброски во времени так и оденусь. Но и здесь еще немало дел. Надо выбрать жертву Потрошителя и подготовиться теоретически. Книги, отчет о вскрытии, показания свидетелей и другие документы ждут меня. Даю себе срок до вечера пятницы. В конце рабочей недели я должна попасть в Лондон первый раз.

* * *

За эти дни пришлось еще раз побывать в университетской библиотеке. Если я нацелилась на Потрошителя, надо взять все книги, которые ему посвящены. Звучит-то как – «посвящены». Литература обычно посвящена героям, судьбе, памяти, а тут маньяк и зверские убийства. Есть в этом что-то нездоровое, извращенное.

К книгам о Потрошителе добавилась энциклопедия серийных убийц, увесистый том о психологии маньяков, разного рода статистические выкладки. Вполне удовлетворившись набором (успеть бы к пятнице проштудировать), я поехала домой. А там – читала, читала и снова читала. Даже иногда забывала поесть. В Интернет выбралась только к четвергу. Вконтакте письмо от Ланы ждало еще с понедельника. Я быстро напечатала ответ и снова нырнула в свои изыскания. В Сеть вышла не с целью убить время, а по делу: требовалось фото жертвы. Оно нашлось без труда. Полное, одутловатое, с закрытыми глазами лицо Марты Тэбрем, зарабатывавшей на выпивку торговлей телом на улицах Ист-Энда, не вызвало особого ужаса. Ужаса, который испытываешь, видя снимок мертвеца. Черно-белое посмертное фото было сделано не в морге, а в сарае, где и проводили вскрытие несчастной.

Так, с этим покончено. Идем дальше. Я открыла Ворд и достаточно оперативно набрала пять страниц текста, свела воедино связанные с Мартой Тэбрем факты, которые могли помочь в планировании путешествия. Да, немало вышло.

Одно плохо: не все специалисты считали Тэбрем жертвой Потрошителя. Зато дам-детектив, главный специалист по делу Потрошителя, и еще двое исследователей единодушно доказывали в своих трудах, что Марта – первая жертва лондонского маньяка. Мне придется рисковать. Если Марту лишил жизни не серийный убийца, время для Судара собрать не удастся. Может, забить на Тэбрем и выбрать другой объект? Я очень не хотела тратить время и нервы впустую, зря рисковать, однако интуиция подсказывала, что Тэбрем я заинтересовалась не зря. В конце концов, если увижу ее не с Потрошителем и не с другим серийником, мое тело не даст условного сигнала, не отреагирует никак. Ведь именно из-за способности чутко реагировать на маньяков я попала к Судару. Решено. Если не получу подсказки от самой себя, сразу вернусь в наше время и выберу другую убитую.

* * *

Теоретическое расследование сказалось на мне не лучшим образом. Я перестала спать по ночам. Стоило выключить свет, как воображение безжалостно демонстрировало подробности убийств, показывало сцены, которые здоровый вменяемый человек не пожелает увидеть ни за какие деньги. Порой начинало казаться, будто в темноте кто-то прячется, кто-то наблюдает за мной, и стоит закрыть глаза, чтобы попытаться уснуть, – кинется. Эмоции сродни тем, что испытываешь, посмотрев действительно страшный фильм ужасов. Темнота стала врагом: нервировала, выматывала, не давала покоя. Я с напряжением ждала ночи.

А днем все отлично, все страхи казались – да и были – несусветной чушью. Но стоило солнцу спрятаться за горизонтом, я проходила очередной круг ада.

Пыталась спать с включенным светом, но бра над кроватью слепило, прогоняя дрему. Пришлось перейти на новый режим: засыпать с рассветом, часов в девять утра.

Наступило утро пятницы. Работа с материалами по Марте Тэбрем близилась к концу, слава тебе тетерев – мохнатенькие ножки. Признаюсь, я второй день мысленно кляла Судара. Какая же он... ладно, не буду повторять это слово вслух. Так подставить меня! А причина – в следующем. Тэбрем убили между 2:30 и 2:45 утра, а тревогу подняли лишь в 4:50. Если бы требовалось только похитить оставшиеся ей месяцы и годы, можно было бы спрятаться на

время убийства на другом конце улицы, дожидаться выхода Потрошителя или другого душегуба из здания – и дорога свободна. Иди и забирай остаток жизни. Никто не тронет, никто не поднимет крик. Не спору, на мертвеца смотреть безумно страшно. Да и для энергетики вредно впитывать флюиды смерти. Но это не идет ни в какое сравнение с тем, что – по заданию Судара – придется наблюдать за убийством, стоять в трех шагах, когда несчастную женщину будут резать. Ведь я должна видеть ауры маньяка и жертвы до убийства и в момент убийства. Государь ясно дал понять, что тема диплома изменению не подлежит. За что мне все это? Что я такого сделала? Чем небеса прогневила?

Так, хватит паниковать! Может, серийный убийца ни при чем, и я смогу быстро и достаточно безболезненно для себя покинуть место преступления до того, как предначертанное случится. Спать. Срочно. Перед путешествием надо отдохнуть как следует. Нужна свежая голова, спокойствие, уверенность. Спать. Спа... И я провалилась в сон, держа в руке раскрытую книгу о Потрошителе. Вымоталась до предела.

Глава 5. Путешествие первое. Марта Тэбрем

Нервничала ли я? Да меня никогда в жизни так не колотило. Лишь с третьего раза смогла корректно проставить дату и время на врученном Игорем браслете. Пальцы дрожали, я промахивалась мимо нужных цифр.

Удовлетворенно кивнула, когда увидела на сенсорном экране, всплывшем над браслетом:

Отправление.

Место: Россия, Москва, Березовая улица, 13–139.

Дата: 23 января 2015 года.

Время: 22:15.

Прибытие.

Место: Великобритания, Лондон, Джордж-Ярд, близ дома 37.

Дата: 7 августа 1888 года.

Время: 1:45.

Почему я решила появиться почти за час до убийства? Чтобы осмотреться, найти пути к отступлению и выбрать место, где удобней прятаться.

Нажала кнопку ввода – и прямо посреди комнаты открылся портал, длиной и шириной сопоставимый с обычной входной дверью, но овальный, с зелеными всполохами по контуру.

Сенсорный экран еле слышно пикинул на прощание и убрался в браслет времени. Я сделала несколько глубоких вдохов, как перед погружением под воду, сжала кулаки и шагнула в портал.

Раньше не понимала, почему лондонцы жалуются на туманы. Я обожаю свежую утреннюю дымку, приносимую с реки. Приятный холод, чистота, свежесть с ароматом росы – дивный воздушный коктейль для жителя мегаполиса. Лондонский туман ночи возненавидела сразу. Густой, смрадный. В нем сливались запахи смолы, дыма и нечистот. Глаза слезились, их разъедало. Легкие резко сократились, стремясь исторгнуть попавшую вонь, усугубленную предельной влажностью. Даже ненавистный запах сигаретного дыма не шел ни в какое сравнение с британскими причудами погоды.

Рукой вытерла слезящиеся глаза, проморгалась и начала вглядываться в темноту. Первый порыв – сбежать назад, в Москву, потому что не видно абсолютно ничего. За минуту глаза худо-бедно привыкли к темноте.

Я обреченно вздохнула. Надеяться на свет луны и звезд бесполезно: небо затянуто тучами. Вдалеке, метрах в трехстах, виднелся фонарь. Ну, хоть что-то.

Я поежилась. На этот раз не от страха, а от холода. Не думала, что летняя ночь будет более чем прохладной.

Ноги стояли на чем-то неровном. Присела на корточки – все ясно, здесь булыжная мостовая. Смердящий запах усилился, я перевела взгляд чуть вправо – и отпрянула. Дерьмо! Нет, я не ругаюсь, это оно и есть – дерьмо. Наверняка недавно проезжала повозка. От огромной кучи даже парило еще. Фу, мерзость какая! Не вляпаться бы в «подарочки», разгуливая в непроглядной темноте.

Передо мной – двухэтажное кирпичное здание. Ясно, это и есть дом 37 по Джордж-Ярд, где произойдет? произошло более столетия назад? убийство Марты Тэбрем. Оглядела фасад. Отсутствие света в окнах, напоминающих пустые глазницы, делает дом слепым. Он, как и люди, в нем живущие, будто не хочет видеть трагедии, которая случится в его утробе-

подъезде. Люди ничего не услышат и не выбегут на помощь. А если услышат, кому есть дело до чужой беды? С другой стороны, вмешательство может быть равносильно смерти.

Я решила обойти вокруг старого здания. Ступая почти бесшумно, сошла с мостовой на сырую землю. Слева от меня стоял такой же дом – дом-сосед. Строения слишком близко друг от друга. Я развела руки в стороны, ощущая пальцами шероховатость правой стены, но не имея возможности дотянуться до бока соседнего здания самую малость. Похоже, их разделяло чуть больше метра. Неудивительно, район бедный, неблагополучный, глупо ожидать простора, размаха. Глядя под ноги, дошла до куста. Пара веток шуршала листьями по камню, зато большая часть древесных рук отклонялась к дому-соседу. Я присела на корточки и, двигаясь спиной, забралась поглубже в листву. Куст стал бы и отличным убежищем, и идеальным наблюдательным пунктом, будь я уверена, что пара подойдет к подъезду с этой стороны, а не с противоположной, но... Стоп! Шаги на мостовой должны быть хорошо слышны, так что если я никого не увижу, то наверняка услышу.

Столь же осторожно и неторопливо я обошла вокруг всего дома. У его противоположной стены спрятаться негде. Но я уже поняла, что в этом нет необходимости.

Вернулась к кусту, спряталась, притихла и стала ждать. Маялась минут двадцать – озябли руки (я согревала их дыханием), ноги затекли и болели – пока не услышала тихую речь и шаги. Сердце заколотилось. Желудок предательски заурчал, хоть я и не голодна – наверняка нервное. Из своего убежища увидела силуэты мужчины в пальто и женщины, которая ниже спутника на голову.

Дама... нет, это слово с ней совершенно не сочетается. Жительница Лондона одета очень просто, но тепло. Ноги почти полностью скрывает длинная юбка, голову – капор, полное туловище утягивает длинный жакет. Она чуть сгорблена, ступает по мостовой тяжело и немного неуверенно, будто выпила накануне. Спутник, одетый в брюки и темное пальто средней длины, выглядит представительней. Правильная осанка, легкая пружинистая походка, уверенные движения.

Мелькнула слабая надежда, что ночные путники пройдут мимо дома. А пока я продолжала вглядываться в мужчину: шляпа, усы... Господи, нет! Сердце пропустило удар, еще один. Почувствовала, как меня сковывает оцепенение. Этот мужчина... хочет убить. Он убьет!

С появления парочки, казалось, прошло немало времени, но на самом деле – считанные секунды.

Не обращая внимания на смрадность воздуха, я наполнила легкие до отказа раз, другой, третий... Когда человек теряет контроль: сильно нервничает (как я сейчас), злится, готов заплакать – ему говорят: «Дыши!» Считается, что интенсивное дыхание успокаивает, усиливая снабжение мозга кислородом и немного отвлекая. Это так лишь отчасти. При глубоком дыхании усиливается центральный поток энергии: тело получает дополнительную подпитку, человек становится уверенней, сильней, сосредоточенней.

Я воспользовалась нехитрым, известным каждому приемом, чтобы вернуть самообладание. Не время паниковать. Нужно заняться делом. Усилием воли направила поток энергии в глаза – краски стали ярче, различимей, даже цвет одежды путников угадывался. Добавила еще энергии, и еще. Теперь последнее усилие – отлично! Я видела их ауры. Хорошо, что темно. При свете ауру разглядеть сложнее. Каждый маг воспринимает ее по-своему, в зависимости от внутренних особенностей. Кто-то описывает многоцветность ауры, кто-то рассказывает про ее однотонность, кто-то говорит о свечении. Я воспринимаю ауры как дымки тумана, окружающие тела.

Аура женщины слабая: разреженная, негустая, пробитая сглазами в трех местах (для обычного человека это не так много). Однако от мужчины к ней тянется... как бы это назвать?... что-то вроде энергетической пуповины. А, все ясно. Он подпитывает спутницу.

Бессознательно, конечно. Люди нередко проделывают подобный трюк, сами того не зная, когда хотят, чтобы на их предложение согласились, их мнение разделили, к ним прислушались, но по доброй воле, а не по принуждению. Мужчина хочет, чтобы женщина шла с ним добровольно, безропотно и соглашалась на его предложения. У самого аура густая, пушистая, ровная. Ни единой порчи, сглаза, даже следов морока нет, который мы, маги, называем программированием сознания. Мужчина близок к пику силы.

Пока вглядывалась, парочка свернула к подъезду. Противно, резко взвизгнули дверные петли – объекты моего наблюдения вошли в дом.

В районе солнечного сплетения все сжималось, ныло, угрожая разнести страх по телу. Не время. Не время раскисать. Нужно идти за ними. Как? Конечно, так же, как я разыскивала Игоря в аудиториях университета. Пойду не ногами – отправлю эфирное тело. Оно увидит многое, если не все, зато его не заметят ни убийца, ни жертва.

Физическое тело осталось прятаться в листве, а эфирка прошла по земле, выскользнула на мостовую и оказалась у двери.

О нет! При мысли, что в подъезд придется войти, трясет даже в эфирном теле. Постараюсь максимально отвлечься от сцены убийства и сосредоточить внимание на аурах. Шагнула сквозь дверь. Внутри – абсолютная темнота, которая не мешает мне видеть. В аурах парочки изменение только одно: энергетическая «пуповина» прекратила подпитывать женщину и растаяла.

Я переоценила себя. Не могла больше вглядываться в «туман» вокруг тел. Внимание соскальзывало, заставляя неотрывно следить за разворачивающейся сценой.

Марта с клиентом поднялись до площадки первого этажа. Я приблизилась к ступеням и замерла. Простудировав не один труд о Потрошителе, знала, что проститутки нередко занимались сексом стоя: поднимали подола юбок, становясь спиной к клиенту, лицом – к стене. Марта поступила именно так, фальшиво напевая, а вернее сказать, бормоча под нос какую-то песенку пьяным голосом.

Клиент шикнул, шепотом потребовав у проститутки вести себя тихо.

– Тебе не нра-а-авится, как я по-о-ою? – спросила она по-английски. Четкости речи мешал хмель.

– Нет, – отрезал мужчина.

Марта оскорбилась: мгновенно искривившийся рот, обиженно блеснувшие глаза. Она фыркнула, но замолчала, продолжив неуклюже возиться с нижней юбкой.

Когда Тэбрем была готова к выполнению грязной, во все века осуждаемой работы, клиент лишь расстегнул верхние пуговицы пальто, запустив руку за пазуху. Марта, сопя и замерзая, нервно топталась на месте, как вдруг ее рука отпустила юбки. Женщина повернула голову и, бесцеремонно шаря рукой между ног клиента, мстительно спросила:

– А где твоё оружие, милый?

Фразы хватило, чтобы убийца выхватил из-за пазухи кинжал и нанес жертве первый удар – удар в горло. Она попыталась закричать, когда горячая кровь хлынула фонтаном, окрашивая предсмертной краской стену подъезда. Я морально готовилась наблюдать за жестокостью убийцы, но не смотреть на погибающего человека. На лице Марты была смесь удивления, обиды и укора. Глаза женщины будто вопрошали: «За что?!» Она безвольно опустила руки, словно в замедленной киносъемке начала поворачиваться к убийце всем телом, стараясь закричать, позвать на помощь. Ее губы беззвучно шептали: «Help, help, hel...»

Теперь аура убийцы не просто густая – она светящаяся. Поток энергии, пронизывающий тело и уходящий в небо (маги называют его восходящим потоком, обычно он едва видим), расширился и приобрел четкость и яркость. Я сразу поняла суть феномена. Убийца в состоянии аффекта: взбешен до потери контроля, осторожности. Бешенство мужчины под-

держивается и усиливается именно мощнейшим восходящим потоком, который несет грубую, земную энергию, усиливает любую эмоцию до крайности.

Выходка Марты, насмешливые слова о мужской силе ударили так, что убийца забыл обо всем. Он собирался разделаться с женщиной, но иначе. Я могла только догадываться, какую участь убийца уготовил ей изначально, однако небрежно, но мстительно оброненная фраза в корне изменила намерения.

Жертва, полностью развернувшись к убийце, получила в грудь еще шесть ударов кинжалом. Счастье, что мне не удавалось услышать, как лезвие рвет одежду, кожу, ткани, царапает кости. Тэбрем уже мертва? Или все еще чувствует каждый новый удар? Мертва. Тело медленно оседало по стене, пока не повалилось на грязный пол в лужу собственной крови. Убийца продолжал яростно наносить удары, склоняясь над телом. Теперь он с силой вонзал острое в живот, уродуя внутренности, спускаясь от кишечника к матке и гениталиям. Не замечал даже, что кровь обагрила его руки, пиджак и пальто.

Аура Марты истончилась до предела, остатки туманной оболочки по широкому энергетическому каналу уходили к маньяку. Он забрал не только жизнь, он вытягивал энергию во сто крат мощнее любого энергетического вампира. Мне казалось, монстр выпьет досуха, перекачает всю ауру жертвы, но связь прервалась, когда убийца нанес Тэбрем в пах последний, тридцать девятый удар. Несколько секунд он стоял удовлетворенный, досыта напившийся чужой энергии, ужаса, боли, с улыбкой, с удовольствием созерцая дело рук своих.

Потом как ни в чем не бывало вытер нож об одежду жертвы, отвернул лицо убитой к стене и спрятал кинжал в прежнем месте, за отворотом пальто. Достал из кармана большой носовой платок, которым тщательно вытер ладони, прошелся тканью по каждому пальцу, брезгливо кривясь. Застегнулся на все пуговицы и, гордо выпрямив спину и вскинув голову, неторопливым шагом спустился по лестнице, едва не пройдя сквозь мое эфирное тело. Я вовремя отскочила с пути. Разумом понимала: в подобном движении нет необходимости. Но эмоциями... Вы бы хотели внезапно ощутить всю гамму переживаний маньяка? И я не хочу.

Монстр покинул темный подъезд и отправился в сторону, противоположную той, откуда привел Марту. Обернулся всего раз. Убедившись, что за ним не следят, пошел по улице неторопливо, размеренно, даже спокойно. Казалось, вот-вот достанет сигару и неспешно затянется, смакуя запах и вкус, наслаждаясь моментом.

Мне хотелось его убить, уничтожить, превратить в пепел, который развеется по ветру! Чтобы мир избавился от этой мрази!

Зачем себя обманываю? Мною движет не только и не столько праведный гнев, сколько желание стереть из памяти лондонскую ночь, трагедию жертвы, уродство убийства. Превратив виновника кошмара в ничто, я бы смогла вырвать из памяти произошедшее, забыть. Наверное. А может, и не смогла бы...

Убедившись, что убийца ушел и возвращаться не собирается, моя эфирка прибыла к кусту у дома и слилась с телом.

Теперь остатки отрешенности и спокойствия, до сих пор хоть как-то защищавшие сознание, покинули меня. Произошедшее соприкоснулось с нервами только сейчас. Хотелось кричать, визжать, упасть на холодную мокрую землю и, впившись в нее пальцами, рыдать и выть. Истерика от пережитого? Не могу позволить себе подобной роскоши. Не могу, не могу. Не могу!

Выбравшись из укрытия, я встала, выпрямилась и, опираясь о кирпичную стену руками, медленно побрела к подъезду. Колени дрожали, ноги отказывались слушаться. Но я дошла. Дошла и встала у двери. Взялась за холодную металлическую ручку и содрогнулась: несколько минут назад ее точно так же касался маньяк. Меня замутило, рот переполнился густой слюной, готовясь облегчить остаткам пищи движение вверх по пищеводу.

Через несколько секунд я вдохнула, сглатывая слюну. Обошлось на этот раз. Похлопала по карману пиджака: часы-линзы для времени на месте. Как говорил Судар, у меня есть полчаса, чтобы поднести их к трупу. Выбирать стоит район головы или сердца. Чтоб он сдох! Чтоб он сдох, этот Судар! Ненавижу!

Я зашла в подъезд еще раз. Первое ощущение – удушливая вонь, куда более нестерпимая, чем на улице. Устойчивый запах мочи и прокисшего пота смешивался с запахом гнили и чем-то, что обоняние не успело распознать, потому как... глаза привыкли к темноте. В пролете первого этажа – забрызганная кровью стена и... тело.

Знала, что должна сделать шаг, другой, подойти к лестнице, подняться на пролет, но не могла пошевелиться. Ужас сковал. С каждой минутой в Уайтчепеле³ он овладевал мной сильнее и сильнее, захватывая разум, парализуя тело, но сейчас... Сейчас ледяные руки и ноги, синие губы, стучащие от страха зубы, взмокшая холодная кожа, нарастающая паника, рвущая грудь, кажутся лишь несущественными неудобствами. Не возьмусь описать душевные муки и запредельный страх от пережитого. Мне просто не хватит слов: эпитетов, аналогий. Хотя одно сравнение напрашивается само собой. Лишь одному человеку в ночь с 6 на 7 августа 1888 года было страшнее, чем мне. И человек этот – Марта Тэбрем.

Не знаю, как моя рациональная часть сумела достучаться до объятых ужасом мозга, но фраза: «Чем быстрее решишься, тем быстрее вернешься домой», – прозвучавшая в голове, прервала оцепенение и заставила действовать.

Превозмогая себя, я сделала несколько шагов, остановилась у первой ступеньки, где совсем недавно мучилась моя эфирка, и застыла. Думаете, мне не давала покоя сцена убийства, невольной свидетельницей которой пришлось стать? Да, но она пугала не так сильно, как... Только не считайте меня сумасшедшей, хотя... говорят, сумасшедшие уверены в трезвости своего рассудка. Нет у меня этой убежденности, нет, ибо за каждым моим движением наблюдали из темноты. Я непрошенная, нежеланная гостья, мешающая свершиться чему-то чрезвычайно важному, непостижимому. Когда в собственной квартире казалось, будто кто-то на меня смотрит, то было игрой буйной фантазии, взбудораженной информацией о зверствах лондонского маньяка. Сейчас на место фантазиям пришли интуиция и банальный инстинкт самосохранения, стремившиеся уберечь рассудок от дальнейших потрясений. Ведь из темноты за мной с явным осуждением наблюдала Марта, Марта Тэбрем, тело которой лежало всего в паре-тройке метров. Душе жертвы мешало присутствие постороннего: воровки, коей я себя ощущала, собираясь забрать у мертвой время. Меня словно что-то гнало, будто выдавливало неведомой силой из грязного подъезда.

Стояла, трясясь от страха и боясь даже шевельнуться, чтобы вытереть выступивший на лбу пот, так тяжело давалось противостояние. Чем дольше не двигалась, тем сильнее меня затягивала загробная пучина, разверзшаяся, едва убитая женщина испустила последний вздох. Еще немного, и я потеряю себя, стремясь на уровне подсознания нащупать дверь в мир мертвых и проконтролировать ее. Маги слишком тонко чувствуют, чтобы не понимать таких вещей и уж тем более не верить в них.

Я рванулась вверх по лестнице, на ходу вынимая из кармана временную линзу, остановилась, нашла голову жертвы и приблизила загадочный предмет, врученный Государем, слегка нажав кнопку над стрелкой. Линза стала бесшумно наполняться зеленоватым свечением, похожим на то, коим был окаймлен временной портал. Движение стрелки быстро прекратилось, давая понять, что больше с убитой взять нечего.

Свечение позволило разглядеть пространство вокруг. Линза не заменила лампочку, но была вполне сравнима с зажженным огарком свечи. Огромная лужа крови, еще не начавшая густеть и, по счастью, не коснувшаяся моей обуви. Ветхая одежда: черный жакет, набухший

³ Уайтчепел (англ. Whitechapel) – один из районов Лондона.

и мокрый после ранений, зеленая верхняя и нижняя коричневая юбки, перекрутившиеся вокруг холодеющих ног, истоптанные тяжелые ботинки без шнурков, капор, обнаживший седеющие волосы. Голова, повернутая лицом к стене.

«Беги!» – прикрикнуло на меня подсознание. И я вылетела быстрее ветра на неосвещенный Джордж-Ярд. Нельзя, нельзя так долго торчать возле трупа, особенно в одиночку. Брезгливо бросив временную линзу в карман, нажала на кнопку браслета. Данные высветились автоматически. Я не смогла бы их изменить, даже если бы сильно захотела: руки тряслись, как у алкоголика поутру.

Отправление.

Место: Великобритания, Лондон, Джордж-Ярд, близ дома 37.

Дата: 7 августа 1888 года.

Время: 2:59.

Прибытие.

Место: Россия, Москва, Березовая улица, 13–139.

Дата: 23 января 2015 года.

Время: 23:29.

Снова возник портал, куда я шагнула без раздумий, гонимая страхом, паникой и смертью.

Глава 6. Спасите меня! Я погибаю от страха

Ночь. Темнота. Собственная комната. Но ничего не изменилось – та же паника; тот же ужас; то же ощущение слежки, глаз, смотрящих из угла, любопытствующих, долго ли продержусь, пока не закричу, пока не начну разговаривать с тьмой, наконец, сколько пройдет дней, пока не утрачу чувство реальности, много ли ночей мне понадобится, чтобы начать терять рассудок. Я снова стояла, боясь пошевелиться. Не покидало жуткое ощущение, что некая часть потустороннего мира, куда открылась дверь в момент смерти Тэбрем, пробралась следом: в мое время, в мое жилище. Она ждет. Здесь. Во тьме. Чего? Моей постепенной гибели. Почему? Я зашла на территорию, куда не следует заходить, прикоснулась к тому, чего не стоит касаться, видела то, чего видеть нельзя.

Нет, я не выдержу, не могу больше. Нужен кто-то, с кем можно поговорить. Кто объяснит, что все это – моя неумная фантазия, ужас от пережитого, шок, в конце концов.

Глаза привыкли к темноте – я без труда разглядела на столе мобильник. Подошла, схватила его и судорожно стала листать список контактов, ища Ланку. Она поможет, позволит выговориться, позовет переночевать – и все закончится. Дрожащими пальцами выбрала опцию «вызвать абонента». Частые гудки разрезали тишину комнаты, ударив по ушам набатом. Что делать? Что?! Паника неумолимо нарастала. В Лондоне я держалась, потому что помощи было ждать неоткуда, а сейчас я могла, имела право рассчитывать на поддержку, потому что позволила себе расслабиться и потеряла контроль над ситуацией и самоконтроль.

Подлетела к домашнему телефону, решив дозвониться до Ланиной мамы, умолить, чтобы сказала дочери обо мне, иначе подруга может провисеть на телефоне не один час, даже до утра, как мы с ней делали не один раз. Но у меня нет возможности ждать утра!

Домашний тоже занят. Я перезвонила еще и еще раз. Неужели и Ланина мама решила обменяться новостями именно сегодня ночью?

Снова кинулась к мобильному. Не все потеряно. У меня есть второй вариант – Игорь Вильянов. В двенадцатом часу ночи неудобно звонить малознакомому парню? Ха! Правила приличия сейчас волновали меньше всего. А заботила лишь собственная беда, и грело душу, что Игорь хотя бы отчасти в курсе моего задания. Могу рассказать, что была на месте убийства, наблюдала за аурами, но умолчать об истинной цели перемещения во времени.

Вызов абонента закончился противными гудками, после которых почти металлический женский голос резко отрапортовал: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети».

Рука безвольно уронила «Нокию» на стол. Не у кого просить убежища на ночь – до Ланы не дозвониться. Не с кем просто поговорить, заглушая ночную панику, – Игорь недоступен. Я обвела комнату бессмысленным взглядом, как сомнамбула подошла к стене и ткнула пальцем в выключатель – загорелся свет. Только легче не стало. Снова вернулась к столу, села на ковер у одной из ножек, затравленно осматриваясь.

Следующий поступок могу оправдать лишь страхом. Не в силах объяснить, как в голову пришла чудовищная по своей нелепости мысль: позвонить черному магу, который знал о моем задании все, – Государю.

Дозвонилась. Ура! Или... Нет уж, дождусь: ответит или нет. Да, я мысленно ругала себя, хотела бросить трубку, но ужас от сегодняшней ночи, от перспективы остаться в квартире наедине неизвестно с чем пугал куда больше разговора с Сударом. Гудок. Второй. Третий.

– Слушаю! – недружелюбно гаркнул в трубку научрук.

Я успела отметить, что интонации несонные. Не разбудила – повезло.

– Доброй ночи, Горан Владиславович, – проямлила я. – Простите, что беспокою так поздно...

Господи, этого человека я совсем недавно проклинала, а сейчас звоню в надежде хоть на какую-то поддержку. Умом тронулась.

– Это ваша студентка, Лея Александрова, – торопливо добавила я.

– И чем же я вам так насолил сегодня, студентка Лея Александрова, что звоните ночью? До завтра дело не подождет?

– Нет! – испуганно выкрикнула, крепче прижимая «Нокию» к щеке и боясь, что Государь нажмет отбой.

Видимо, мои интонации насторожили профессора. Он уже без тени ехидства велел:

– Говорите!

– Понимаете, я решила сегодня отправиться... – мысли путались, не понимала, с чего начать. – И вот... теперь не знаю, как...

– Давайте-ка ближе к телу, Александрова. Или вы с кем-то из друзей поспорили, что хватит смелости позвонить мне среди ночи?

– Я только что видела смерть Марты Тэбрем, – чуть не плача выпалила я. – Мне страшно в собственной квартире.

В трубке воцарилась тишина.

Судар точно отрубил связь: не может же он помнить всех жертв по именам. Подумает, что несую околесицу, что действительно поспорила или выпила лишнего.

– Ясно. Ждите. Скоро приеду.

Гудки. Я недоуменно уставилась на «Нокию». Приедет? Не поверите, но я в жизни никому так рада не буду, как Судару сегодня.

Едва голос Государя покинул меня, сразу прочувствовала, как страшно сидеть в комнате, страшно ее покидать, страшно думать, кто или что могло пройти через портал. Мобильник зазвонил. На дисплее высветилось прозвище великого и ужасного. Не Гудвина, конечно же, – мага.

– Да, Горан Владиславович!

– Александрова, надеюсь, вы там не лелеете свои страхи, а вещи собираете и одеваетесь?

– Вещи? – наверное, нет смысла говорить, что в голосе моем звучало недоумение.

– Вашу мать! Слушайте и запоминайте.

Я тут же выпрямилась и кивнула трубке, будто собеседник мог понять беззвучную готовность внимать указаниям. Идиотка! Ладно, в моем состоянии многое простительно.

– Включаете во всей квартире свет, достаете сумку повместительней и собираете вещи, которые могут понадобиться на выходных. Потом одеваетесь по погоде.

Я молчала, пытаюсь осмыслить услышанное. Но мозги работать отказывались.

– Алло-о-о-о! Александрова-а-а. Как слышите меня? – беззлобно поинтересовался хриловатый голос на том конце.

– Слышу хорошо, но не понимаю.

– Вам не понимать надо, а действовать. Ночевать будете вне дома, ясно вам?

– Ясно, – тупо протянула я.

Ничего мне не ясно. И Судар это прекрасно знает.

– Сделаете, как я сказал?

– Сделаю, Горан Владиславович, – с пионерской готовностью заверила я.

– Отлично. Поторопитесь. Адрес у вас какой?

– Березовая улица, 13.

– Квартира?

– 139.

– Когда подъеду – позвоню. Действуйте! Отбой.

Я уже не обращала внимания ни на гудки, ни на телефон. Слово «действуйте» повлияло на меня, как приказ на военнотружущего. Не смела ни обдумать, ни послушаться. Позже поняла: дело совсем не в слове. Государь внушил выполнить все, что велел.

Это я никак не могла освоить подобные навыки, а для черного мага его уровня – сие семечки.

Ни на что не отвлекаясь, не шарахаясь от стен и собственного отражения в зеркалах, я действительно включила все лампочки, чтобы осветить и коридор, и кухню, и даже ванную с туалетом, нашла в нижнем ящике одного из шкафов дорожную сумку, бросила ее в коридоре и стала сносить туда вещи.

Что же мне может пригодиться? Зубная щетка, нижнее белье, пижама, спортивный костюм, тапочки, носки. Кажется, достаточно. Постояла, подумала и добавила в сумку косметичку, «линзу» со временем и флешку с материалами о Тэбрем.

Скинула наряд для путешествия по Лондону и надела первое, что попало на глаза: черную шерстяную юбку с разрезом и кофту в обличку, в которых в понедельник щеголяла перед Игорем. Натянула сапоги и терпеливо зашнуровала. Теперь беретка, шарф, пальто с капюшоном. Все, я готова.

Едва сделала все, на что программировало внушение, на меня снова накатило. Я затаилась в коридоре между стеной и входной дверью, из последних сил стараясь не поддаваться панике, стремясь очистить сознание.

Не ведаю, долго ли продолжались мои бесплодные попытки, когда в комнате зазвонил мобильник. Прямо в сапогах кинулась за «Нокией»: ее-то я забыла. Звонил Государь.

– Александра, – не дал он мне даже аллкнуть, – я за дверью. Открывайте.

Стоит ли говорить, что я побежала к двери, забыв выпустить из рук телефон?

– Горан Владиславович, вы! – несмотря на поздний час, радостно воскликнула я на весь этаж.

Судар стоял на пороге. Клянусь, еще чуть-чуть, и я бы кинулась монстру на шею. Сама! Такого он точно не внушал.

Войти он желания не изъявил, забрал сумку и велел быстрее спускаться вниз, к подъезду.

Окрыленная подоспевшей помощью, я выключила свет в квартире, прикинула еще раз, не забыла ли чего – выходило, что не забыла, – взяла связку ключей и, даю слово, впервые в жизни с радостью попрощалась с собственным жильем.

Оказалось, на улице выпал снег. «Ну да, – посмеетесь вы, – январь, Москва, снег – какая неожиданность». На самом деле действительно неожиданность: зима в этом году аномально, а точнее, ненормально теплая.

Судар ждал у темного внедорожника.

– Горан Владиславович, огромное магическое спасибо, что приехали за мной! – восторженно прощбетала я, сложив ладони вместе, как это делают японцы. Как меня еще поклониться не угораздило ироду-спасителю? А, ладно! Что с неадекватной перепуганной девицы взять, кроме анализов?

Государь поджал губы и хмыкнул. Видимо, это означало «пожалуйста».

– Садитесь уже, пока я не пожалел о содеянном, – вздохнул маг, открывая переднюю дверцу.

Меня не надо просить дважды – уже приготовилась запрыгнуть в машину, но вышел маленький конфуз. Я правша. Соответственно, в автобус и вагон метро захожу с правой ноги. В машинах разъезжаю нечасто, точнее, не помню, когда в последний раз такое случалось. Ну не успела сообразить, что в автомобиль только в пятидесяти процентах случаев садятся с правой ноги и мой случай не из них. Чуть лбом в крышу не вделалась. Зато Судар сразу

понял, как часто я в тачках разъезжаю. Спасибо, что не посмеялся, а подал руку и помог усесться. Краем глаза заметила рябину в пяти шагах от проезжей части. Если и дальше так пойдет, мои щеки посоперничают в цвете с ее гроздьями.

Если думаете, будто меня восхитил дорогуший черный автомобиль с белым кожаным салоном, то ошибаетесь. В местах, не соответствующих своему материальному достатку, я сразу теряюсь и чувствую себя удручающе неловко. В иномарке точно смотрюсь инородным телом. Впрочем, как и моя сумка на заднем сиденье.

Стоило мне подумать о приятном запахе мужского одеколona и кожаного салона, как обладатель и того, и другого занял водительское сиденье рядом с моим.

– Горан Владиславович, а как вы домофон прошли? Я же не говорила вам кода.

– Угадал комбинацию, значит, – хмыкнул профессор, заводя мотор и включая печку.

Угадал? Нет, я понимаю, кодовый замок. Там всегда две-три кнопки стерты: их и нажимаешь. Чтобы попасть ко мне в подъезд, нужно набрать семь цифр и три буквы. Нереально угадать. Правда, я читала Вконтакте про универсальные комбинации для домофонов, но проверять не пробовала.

Когда автомобиль плавно тронулся, мой заряд живости иссяк. Помощь прибыла – я порадовалась, однако про виденное ночью забыла лишь на несколько минут. Сцена убийства раз за разом повторялась перед мысленным взором.

Горько вздохнула, прижалась лбом к стеклу, стараясь переключиться на проплывающий мимо городской пейзаж. Не помогло. Государь, судя по всему, нисколько не тяготился моим молчанием, да и сам не спешил задавать вопросы. Думала, сразу поинтересуется, сколько времени собрала. Ничуть не бывало. Молчал. Да как же себя в порядок-то привести, а?

– Куда вы меня везете? – безэмоционально спросила я, чтобы хоть как-то отвлечься от пережитого, забыть еще хоть на минуту.

– Будете ночевать у меня, – поставил перед фактом черный маг.

– А ваши домашние не будут против?

– Я живу один, – равнодушно ответил Судар. – Или вы не знали?

– Если честно, никогда не думала об этом. Я вас не стесню? – добавила я скорее из вежливости.

Было почти все равно, что я напрягаю могущественного мага, грозу университета, того, кого ненавижу, потому что ужас не считается с приличиями, неудобствами, стеснением и другими интеллигентскими заморочками, кои мне привили родственники.

– Переживу как-нибудь.

Государь тоже все понимал. Спасибо ему еще и за чуткость. Или за опыт общения с такими добывателями времени, как я.

Я не стала разглядывать жилье Государя. Ну не до того было после знакомства с маньяком, да еще в первом часу ночи. Квартира светлая, шикарная и так велика, что комнаты не сосчитать. Этим сознание вполне удовлетворилось, переключившись на насущные проблемы.

Быстро показав, где что лежит и как расположено (признаюсь, ничего не запомнила), Государь сопровождал меня в комнату, где я буду спать. После короткой экскурсии мне разрешили пойти в душ и снабдили чистыми полотенцами.

Пока хозяин стелил постель, я немного пришла в себя под контрастным душем. Вытерлась; надела чистое белье, тапочки, спортивный костюм, предварительно вытащенные из сумки; вышла из ванной и бухнулась на первое попавшееся сиденье – кресло с откидной спинкой на кухне.

– Чай будете? – поинтересовался хриловатый голос.

Я вздрогнула: совсем нервы ни к черту.

– Будете, – эхом отозвалась я.

– Какой?

– Горячий.

Передо мной поставили дымящуюся чашку черного чая и сахарницу. Я прикинула на глаз, сколько нужно сахара на такой объем. Выходило, ложки полторы для полного счастья.

– Есть можете?

Как, однако, Судар хорошо понимает ситуацию! Конечно, после сегодняшнего вырвать может, и не раз.

Я мотнула головой.

Судар с сомнением посмотрел на меня, открыл холодильник и положил передо мной внушительных размеров шоколадку.

– Но я не...

– Это не на сейчас, – перебил научрук. – Я встану поздно. Как у вас будет со сном – не знаю. Пока сплю, кухня и продукты в вашем распоряжении. Шоколад на случай, если страшно будет ходить по квартире.

– Да я уже в порядке, Горан Владиславович, – втянув носом воздух, как-то жалобно и неубедительно заверила я.

– Я заметил.

Боже мой. Государь улыбается. Какой-то катаклизм случится или медведь в зоопарке сдохнет?

– Руки вытяните перед собой.

– Вы что, неврологом подрабатываете?

– От скуки – на все руки. Александрова, делайте, что говорю.

Я повиновалась.

– У вас всегда так пальцы дрожат?

Ошалеть! Трясучка случалась только при сильном стрессе. Видимо, со стороны я выгляжу более чем фигово. В зеркале ничего особенного не заметила, вот ведь...

Села расслабленно. Государь потрогал мою ледяную ладонь, пощупал пульс.

– Вот что, выпейте-ка успокоительное, – научрук открыл один из ящиков, засомневался и уточнил: – Или лучше водки?

– Не надо водки. Я спиртное плохо переносу.

Рядом с шоколадкой и чашкой чая легла розовая коробка с красными полосками. Я прочла название.

– С печенью, легкими и бронхами проблем, как я понимаю, нет?

Мог бы и не спрашивать. Все равно по ауре видит, что норма.

– Нет, – подтвердила я. – Одну?

Кивнул.

Выдавила на руку белую круглую таблетку с крестовой риской и проглотила, запив чаем. Судар сел по другую сторону обеденного стола, терпеливо ожидая эффекта.

Через полчаса почувствовала, насколько мне было худо. Зато сейчас страх притупился. Казалось, будто не жестокое убийство видела, а всего лишь ужастик посмотрела. Мышцы расслабились, руки и ноги согрелись, дыхание и сердце успокоились. Я была почти довольна жизнью. Глаза слипались.

– Уснуть сможете?

– Думаю, да, – меня удивил звук собственного голоса. Обычно я тараторю, а сейчас говорила медленно, нараспев.

Государь кивнул в сторону «моей» комнаты.

– Вперед, Александрова, я в вас верю. Белье постелено. Отсыпайтесь.

– Спокойной ночи, – пропела я, шагая к своим апартаментам.

– Laku noć!⁴

⁴ Laku noć! (сербохорватск.) – Доброй ночи!

Глава 7. В гостях

Когда проснулась, солнце светило вовсю. Обожаю солнечные дни: они бодрят, создают настроение, говорят, что жизнь полна света и тепла, даже зимой.

Какой приятный запах! Постельное белье пахло чистотой, свежестью и каким-то цитрусом: лимоном, видимо. Неужели вчера не заметила? Неслабо меня приложило, значит. Я крайне чувствительна к запахам. Излишне нюхлива, как сама говорю. Меня манит все, ласкающее обоняние, а от ароматов, неприятных носу, готова бежать сломя голову.

А сколько времени? Часов нигде не видно. Зато я наконец-то рассмотрела комнату, где провела ночь. И позавидовала, к своему стыду. Лежала и не спеша разглядывала обиталище. Вроде ничего необычного: кровать у левой стены от входа, справа – шкаф и стол с офисным креслом, за моей головой застекленная лоджия. Только сделано все с безупречным вкусом: в бело-черно-серебристой гамме. Мебель, затейливое плетение на шторах и рамки фотографий – черные. Обои текстурные, серебристые, отделанные бордюром а-ля лепнина, глянцево-белый натяжной потолок, люстра тоже белая с серебристыми вкраплениями. Да все это просто мечта! Сделаю у себя так же. Только денег накоплю.

Интересно, Судар дизайнера нанимал или сам это придумал? Ничего лишнего, идеально, дело в грамотном выборе цветов. Может показаться, что сочетание холодное. Да, но все меняли аксессуары на стенах: никаких постмодернистских картин, которые небедные люди любят развешивать, дабы показать гостям, будто идут в ногу со временем, разбираются в новых направлениях живописи. «Вот, прикупил себе. Работа самого Бентана. Огромные деньги отдал, но она того стоит». Вы знаете, кто такой Бентан? Нет? Я тоже. На мой предвзятый взгляд, и постмодернистские изыски, и старания хозяев произвести впечатление за их счет выглядят странно, да и пошлово.

А здесь были фотографии. Я выбралась из-под теплого одеяла и стала жадно их рассматривать. Что хотите со мной делайте, но рассветы и закаты (если запечатлеть их грамотно и на качественный фотоаппарат) выглядят незабываемо. Именно они стали изюминкой, добавившей комнате с евроремонтом уюта, тепла и уникальности.

Странное дело. Потоптавшись в Государевом кабинете, обставленном антиквариатом, я ожидала такой же обстановки в квартире. Однако здесь нет тяжести богатства, шика, но есть свой стиль и душа.

Я всматривалась в заходящее за горизонт солнце, окрасившее небо в оранжевый, а ветви деревьев – в черный цвет. Поистине, палитра рассветов и закатов непостижимым образом отличается от привычной реальности, делая мир на грани утра и ночи сказочным. Не отрывая взгляда от фото, прислушалась. В квартире что-то шипело и шкварчало. Конечно, на кухне. Желудок издал неприличный звук, напомнив, что пища бывает не только духовной и жизнь поддерживать созерцанием удастся разве что тибетским монахам, да и тем нужна плоска риса с сухофруктами.

Натянула спортивный костюм поверх пижамных шорт и майки и выплянула из комнаты.

Никогда бы не подумала, что увижу нечто подобное. Государь стоял у плиты. Готовил. Ха, а говорят, не боги горшки обжигают. Я и представить не могла... Хотя стоп! Чему я удивляюсь? Научрук живет один: вряд ли питается только полуфабрикатами. Какие-то блюда он точно умеет готовить. Но мне никогда не приходило сие в голову.

– Dobro jutro!⁵ – заискивающе поздоровалась я, тихонько втягивая запах еды. Пахло одуряющее вкусно, или я просто очень проголодалась.

⁵ Dobro jutro! (сербохорватск.) – Доброе утро!

– Три часа дня, Александрова. Dobar dan!⁶ Умывайтесь – и бегом за стол.

Мысленно я подпрыгнула от радости. Ура! Меня накормят вкусненьким! А чего же я стою в проходе, как дура? Надо идти чистить зубы.

Вернувшись, нашла на обеденном столе пышущие жаром румяные оладьи, розетки с медом и с вареньем из лимонов и кабачков, а еще тарелку с ломтиками сыра и чайник травяного чая. Выяснила через пару минут, что напиток с мятой, чабрецом, а названий других трав я не знаю. Как же все аппетитно выглядит!

Так и не смогла решить, что вкуснее с оладьями: сладкий жгуче-душистый мед, нежное цитрусовое варенье или пикантный сыр. Попробовала все по очереди. Дважды. Сколько я съела, получается? Целых шесть оладий. Троглодит, а не человек.

Наверное, мне стало бы неловко за обжорство, если бы Государь – к слову, евший не спеша, аккуратно и, не побоюсь громкого слова, с аристократизмом – наблюдал за мной во время трапезы без доли пренебрежения, с веселым любопытством. Наверное, хозяин так смотрит на котенка или щенка, которого подобрал на улице, отмыл, положил еды и решил понаблюдать, как животинка кушать будет. Меня это злило, но не давало ни малейшего повода возмутиться.

– Неужели вы любите готовить? – попыталась завести светскую беседу.

Губы салфеткой не вытирала, а изящно промокнула. Вот, мол, смотри, я тоже умею вести себя за столом. Выглядело по-детски: с вызовом и одновременно с желанием произвести впечатление.

Черный маг видел меня насквозь: в глазах заблестели смешинки, уголки рта приподнялись. Как же его забавляет мое поведение; нравится наблюдать, как мне неуютно под его взглядом; и понимать, что я прекрасно чувствую: меня читают, как открытую книгу.

– Не сказал бы. Но меня это не напрягает.

– Простите за нескромный вопрос, вы югослав?

– Прощаю. Только на четверть, а что?

Вот оно как. Но четверти достаточно, чтобы объяснить югославские имя и фамилию Государя. Дедушка был из тех мест? Вслух интересоваться не стала.

И я неспроста употребила слово «югослав». Если Судару много больше тридцати, он вряд ли бы поправил меня и сказал, что у каждого югослава своя национальность: привык к этнониму. А если столько, на сколько выглядит, уточнил бы. Уточнений не последовало. Ну, я почти не сомневалась в своей правоте. Сколько же вам на самом деле лет, Государь?

– Вы прощаетесь и приветствуете меня на сербохорватском, – решила прояснить все эти laku poć и dobar dan.

Судар не торопился отвечать: придвинул к себе мою чашку, наполнил почти до краев ароматным напитком, вернул, налил себе и только потом снизошел до объяснений.

– Я досконально изучил личные дела вашей группы, прежде чем выбрать научных руководителей. Насколько помню, конкретно вы изучали в университете американский английский, японский и, как ни странно, хорватский. Последний берут крайне редко. Из европейских языков обычно рвутся на немецкий или французский. Иногда – на итальянский или испанский. Кто знает украинский или белорусский, хватается за польский: тогда учить почти нечего.

Это правда. Мы учим целых три языка на случай работы за рубежом. Один – американского континента, один азиатский и один европейский. Почему я выбрала американский английский, думаю, понятно: возможно, придется жить в США. Японский? Я смотрела аниме с оригинальной озвучкой десять лет. Хотя не с нуля начинать. Чаще берут китайский,

⁶ Dobar dan! (сербохорватск.) – Добрый день!

но и нихонго⁷ весьма популярен. А сербохорватским хотят заниматься только потомки сербов, хорватов, черногорцев и бошняков, осевших в России. Ах, вот в чем дело! Судар подумал, что выбор европейского языка связан с моими предками.

– У меня не было в роду хорватов.

– А кто был? Вы не чисто русская.

Да у него глаз-алмаз. А еще... как быстро мы соскочили с национальности Судара и перешли на мою. Он мастер переводить стрелки даже в мелочах.

– Я русская. На три четверти. Остальные двадцать пять процентов приходятся на польскую и турецкую кровь.

– Славянка с примесью турецкой крови? Понятно, с чего я подумал про хорватов. А почему язык такой взяли?

– Одни сходят с ума от певучести итальянского, другие – от резкости и отрывистости немецкого, кто-то обожает слащавость – простите – сексуальность французского, а я таю от сербохорватского. Очень красивый язык. И учить проще: столько слов знакомых.

Государь, удовлетворившись объяснением, кивнул.

– К чаю хотите печенья, конфет?

Я дернулась.

– Нет, я и так вас объела.

Научрук только ухмыльнулся. Предугадал мое желание сказать: «Я компенсирую это деньгами». Нет, ну как ему удастся?

– Не забивайте себе голову. Пока вы работаете на меня и не делаете глупостей, – он интонацией подчеркнул последнее слово, – я несу все расходы и забочусь о вашем физическом и психическом здоровье, – Государь резко стукнул дном чашки о блюде. Я легко поняла значение этого жеста: «И точка!»

Ясно. Спорить смысла нет – все равно сделает, как сказал. Да я и не считала нужным препираться. Он прав: я многим рискую и делаю это не для получения диплома, а для его величества. Считает нужным оплачивать риск – пусть оплачивает. Это справедливо.

– Но, если помоеете посуду, буду вам очень признателен.

Я усмехнулась. Понятно, цари не любят возиться с грязными тарелками.

– Помою-помою, мне не сложно, – я поднялась с насиженного места и начала переставлять чашки, блюда и тарелки с приборами к раковине.

– Александрова, ваше имя как-то связано с...

– Нет, – перебила, не дослушав до конца. – К «Звездным войнам» не имеет никакого отношения.

– Почему никто не называет вас Элей? Не нравится такой вариант?

Я неопределенно повела плечом, намыливая губкой одну из тарелок.

«Эля» звучит симпатично. Хуже, чем «Лея», на мой вкус, зато «Элечка, Элька» куда лучше, чем «Леечка, Лейка». Я внутренне содрогнулась от своего поливочного прозвища.

– Буду называть вас Элей. Александрова – слишком официально.

– Да хоть горшком назовите, только в печку не ставьте, – бросила я. – И, Горан Владиславович, большая просьба...

– Слушаю.

– Перестаньте лезть мне в голову и читать мои мысли! – с раздражением сказала я, стукнув вымытым блюдом о дно раковины. Блюде уцелело. Жаль.

Судар поднялся и, подойдя ко мне, стал брать чистую посуду, вытирать насухо полотенцем и убирать на место.

– Эля...

⁷ Нихонго – самоназвание японского языка.

Я вздрогнула, когда теплый хриловатый голос произнес уменьшительный вариант имени. Звучало неплохо.

– ...вы и сами в состоянии понять, когда я лезу к вам в голову, разве нет?

Я молчала, ожидая продолжения.

– Сколько раз за последние сутки вы чувствовали мое вмешательство?

– Один, – честно призналась я. – Когда велели собрать вещи и одеться.

– Вот именно. Не придумывайте то, чего нет, – терпеливо объяснял профессор. – У вас очень живая мимика. По ней легко читается ваше настроение, эмоции, а остальное легко додумать.

И добавил через паузу:

– Давайте присядем. Сейчас вы полностью пришли в себя. Расскажите о ваших злоключениях в подробностях.

И я рассказала, не упуская ни малейшей детали.

Государь слушал молча, внимательно, вникал в каждое слово, ни на что не отвлекаясь и не отрывая от меня взгляда. Перебил лишь один раз, ближе к концу повествования, когда я упомянула о наполнении линзы временем.

– То есть время вы добыли, но молчали до сих пор? – внезапно хлопнул он ладонью по столу.

Я уставилась на него ошалевшими глазами.

– Горан Владиславович, а сами вы как думаете? Зачем я тогда все круги ада прошла?

– Ну Александра, ну вы даете! – в голосе слышалось неподдельное восхищение, которое исчезло так же быстро, как и возникло. На лице научрука мимолетная эмоция, долетевшая до моих ушей, не отразилась вовсе.

Однако мне хватило наглости прервать рассказ. Я наклонилась вперед, положила руки на стол, сцепив пальцы в замок, и вопросительно, с долей недоумения уставилась на черного мага, ожидая объяснений. Точнее, не ожидая, а надеясь на них. Рассчитывать, что Судар снизойдет до откровенного ответа студентке, было наивно, но, как оказалось, небезнадежно.

– Ваш предшественник смог выполнить задание с третьей попытки, – с явным неудовольствием информировал Государь, тоном давая понять, что продолжение расспросов неуместно. Но меня это не остановило.

– Что стало с моим предшественником?

Клянусь, боялась услышать ответ, но мне он требовался, как воздух, как жажда уверенности в завтрашнем дне, как надежда на будущее. Я ощутила сладковатый металлический привкус во рту: щеку прикусила от напряжения, черт!

Взгляд Сударя не сулил ничего хорошего. Как глупо думать, будто дьявол во плоти немного смягчился, обсуждая выбор языка в университете! Разговор не касался работы, а значит, не имело смысла воздвигать между нами стену, давить психологически, выстраивать отношения по схеме «начальник – подчиненная». Зато сейчас мне стало не по себе от холодной полуусмешки-полуулыбки, жесткий презрительный взгляд пригвоздил к креслу. Судар напомнил, где мое место, одной лишь мимикой, не прибегая ни к магии, ни даже к словам. Я поежилась. Неужели?... тот, кто работал на профессора черной магии до меня, погиб? Почти наверняка.

Оттолкнувшись от стола, я откинулась на спинку кресла, беспомощно закрыв лицо ладонями. Не может быть. Хотя стоило ли ждать иного? Просидев так с минуту, встала и на плохо гнущихся ногах добрела до выделенной мне комнаты. Вернувшись, швырнула на обеденный стол полупустую «линзу». Если бы хватило смелости, сопровождала бы жест словом «подавитесь». Но немедленная смерть не входила в мои планы.

– Забирайте! И я пошла. Спасибо за гостеприимство.

– Стоять! – приказал Государь, когда я направилась к входной двери. – Не валяйте дурака, сядьте.

Не оборачиваясь, я капризно передернула плечами, что на языке тела означало «не сяду».

Хрипловатый голос стал леденяще, опасно тих:

– Мне подняться и силой усадить вас в кресло?

Конечно, Государь выполнит угрозу. Поэтому я, полностью опустошенная, бухнулась на прежнее место, бессмысленным взглядом уставившись на стену. Солнечные лучи перенесли на кафель узор тюля. Я могла думать только о том, что вижу: думать об остальном стало страшно.

– Вы не можете сейчас вернуться домой, – милостиво пояснил мой – как я уже поняла – палач.

Когда я стану не нужна, дам слабинку или сделаю неверный шаг, от меня избавятся без сожалений и угрызений совести.

Я жива, пока хозяин не решит, что котенка пора утопить. Все, что остается, – постараться удержаться на плаву как можно дольше. Я грустно усмехнулась сравнению, пришедшему на ум.

– Почему? – бесцветно спросила я.

– Вы там долго не протянете.

– Здесь тоже.

– Не драматизируйте, – Государь покрутил в руке «линзу», приглядываясь к делениям. – Шесть лет и три месяца. Неплохо, – он толкнул добытое мне. – Наполните до предела, тогда отдадите.

– Нет! – воспротивилась я. – Меня колотит от этой энергии. Не могу держать в своей квартире.

Ничего необычного в моих ощущениях не было: ужас жертвы отравлял содержимое линзы.

– Понимаю.

Да ну? Неужели за протест не получу на орехи?

– Побудет у меня до... – черный маг на секунду задумался, – до вечера следующей пятницы, когда вы навестите очередную жертву. Заберете перед путешествием.

«Вот и получила», – обреченно подумала я. Тянуть время, чтобы подольше прожить, не удастся. Теперь буду встречаться с маньяком каждую неделю.

От безысходности я стала разглядывать обстановку квартиры, до которой вчера не было дела. Похоже, между кухней и гостиной когда-то снесли стену, превратив их в одно огромное помещение. Искусственный камин, мягкий однотонный ковер и белый кожаный диван ненавязчиво сменялись кафельным полом, обеденным столом и кухонной евростенкой из холодильника, плиты, разделочного стола и раковины. Единая цветовая гамма позволяла двум некогда разным помещениям гармонично сочетаться: белый цвет соседствовал со светло- и темно-зеленым. На половине гостиной тоже висели фотографии в рамках – полевые цветы гордо демонстрировали неброскую красоту: каждый лепесток, каждую тычинку, каждый зигзаг листа. Фотограф явно не новичок в макросъемке.

Правая от входа стена кухни-гостиной открывала двери в туалет и ванную, левая – в спальню. Спальня Судара прямо напротив кухни, а та, где ночевала я, выходила в гостиную, ближе к входной двери.

Судар жил в шикарной, недавно отремонтированной трешке. Буржуй! Да, с пониманием отчаянности собственного положения пришла и классовая ненависть. Не без толики зависти, конечно. Не той черной, разъедающей душу, зависти, вытравливающей все мысли, кроме предмета вожделения и жажды всех кар небесных обладателю желаемого, нет. Мой

недуг был сродни ненавязчивому внутреннему дискомфорту, давящему на грудь при встрече с одноклассником, получившим неплохую должность, с приятельницей, хвальнойся выгодной партией. Моя зависть более походила на кратковременную печаль, которая рассеется, стоит человеку, пробудившему ее, исчезнуть из поля зрения. Подобная эмоция не убивает, а стимулирует на свершения либо не оставляет следа, исчезая быстрее самой скоротечной простуды.

С досадой вспомнила, что Государь отнюдь не самый честный преподаватель в университете. Хорошую оценку у него всегда можно получить двумя способами: или учить и разбираться в материале, или положить в зачетку несколько сотен у. е. С моими финансами мне никак не подходил второй вариант. Приходилось пользоваться первым: зубрить, тренироваться ночами, понимать, докапываться до сути и размышлять. «Мало того что буржуй, так еще и взяточник», – злобно подумала я.

Пока я насильно забивала голову всякой ерундой, дабы прийти в норму и не дать Судару повода прямо сегодня превратить меня в молодой красивый труп, научрук возжелал продолжить наше общение. Пришлось рассказать все-все, вплоть до минуты, когда я набрала его номер.

– Как считаете, Тэбрем убил Потрошитель?

Давно ждала этого вопроса. Думала, Государь его еще в машине задаст.

– Не знаю, если честно. Я почувствовала только намерение убить. Близко не стояла, руку убийце не жала, как вашему недавнему гостю-маньяку, – я обвиняюще посмотрела на Судара, но он и бровью не повел. Совесть у профессора явно не в почете. Я продолжила: – Так что однозначного вывода сделать не берусь. У меня три версии.

– Излагайте, – Государь вальяжно откинулся на спинку кресла, пристроил руки на животе, постукивая большими пальцами друг о друга.

Сквозь внешнее спокойствие и расслабленность прорывался интерес, любопытство и нетерпение. Судар очень сильный, даже гениальный маг. Но еще никому не удавалось контролировать все движения собственного тела.

Я не торопилась с ответом, наслаждаясь своей маленькой, ненужной, но все же победой. Победой наблюдательности, которая станет первым шагом к контролю. Но, сколько бы подобных побед я ни одержала, все равно не успею взять ситуацию в свои руки прежде, чем умереть.

– Версия номер раз – это действительно первое убийство Потрошителя. Только я увидела лондонского маньяка еще до содеянного.

– Потому у вас и не возникло такого яркого ощущения, как в присутствии моего знакомого, – дополнил ответ Судар.

– Совершенно верно. Вторая версия. Убийство совершил какой-то другой маньяк.

Край рта Судара приподнялся в сомневающейся усмешке, глаза смотрели в сторону – маг словно пытался состыковать какие-то одному ему известные факты и детали. Я понимала его недоверие. Самой гипотеза казалась притянутой за уши, но за неимением лучшего...

– Не уверен, – наконец изрек он.

– Сейчас объясню. Представьте, что Тэбрем лишил жизни псих, уже зарезавший нескольких женщин. Тэбрем взбесила его, оттого убийство вышло чрезвычайно жестоким и кровавым. Остальные злодеяния могли не отличаться подобными зверствами. Если мое предположение верно, лондонская полиция не рыла носом землю. За другие убийства наказали родственников и знакомых жертв, никак не связав этих эпизодов со смертью Тэбрем.

Государь невольно рассмеялся.

– Хвалю за усердие и красноречие.

Скажу без ложной скромности, меня было за что похвалить. Я прочла достаточно литературы, чтобы иметь четкое представление о работе полиции и о том, как в те годы велось следствие. Более того, за короткий срок начала понимать психологию маньяков, ухватила принцип, позволяющий делать довольно смелые выводы.

– Что ж, такой вероятности исключать не стоит, – милостиво согласился Государь. Он кивнул, улыбка обнажила верхний ряд безупречно ровных белых зубов. – А третья версия? – поторопил он.

– А третья версия и вовсе противоречит тому, что вы говорили, давая мне задание.

– Ну-ка?

– Как вы знаете, пять канонических жертв Джека-потрошителя убиты несколько иначе, чем Тэбрем. И именно поэтому исследователи разошлись во мнениях относительно ее убийцы. Больше никому не нанесли столько ран, в том числе и в область гениталий, не сделав там крупного надреза или не вырезав ни одного органа. Уникальное убийство, если вообще уместно такое выражение.

– Как я понимаю, вам не ясно, могли ли вы получить время жертвы, если случай единственный и никого другого виденный вами человек не зарезал?

– Именно.

– Если это первое убийство, а остальных он просто не успел совершить из-за собственной смерти или несчастного случая, сделавшего его беспомощным, мой ответ – да.

Подперев подборок руками, я удовлетворенно закивала. Таким образом, все три версии допустимы: Марту Тэбрем убил Потрошитель; Марту Тэбрем убил другой маньяк; с Тэбрем разделался убийца, не совершивший трех идентичных зверств, а ведь только после трех эпизодов убийцу могут классифицировать как серийника.

– Горан Владиславович, а теперь объясните, что происходит в моей квартире.

– До путешествия – нервы, после... – он поджал губы, словно не желая говорить, но цокнул языком и неохотно продолжил: – Не ждал, что вы додумаетесь открыть портал в собственной спальне. Этого даже в подъезде лучше не делать. Во дворе – куда ни шло. Поверьте моему опыту, одного перемещения слишком мало, чтобы нечто прорвалось в наш мир. Однако флюиды рядом с вашей квартирой навели на мысль, что ваш ужас не предмет буйного воображения.

Бывает так, что все новости и события в течение суток не просто плохие, а очень плохие? Оказывается, да.

– И что же делать?

– Советую почистить квартиру энергетически, активировать защитников пространства и равновесия. Большого пока не нужно. Можете сделать сами, но сейчас, Эля, вы энергетически истощены, поэтому я не пускаю вас домой. Можете доверить чистку мне, поработаю отсюда, но все равно понадобятся силы, чтобы после моего вмешательства сделать квартиру комфортной для проживания, ведь моя энергия тяжела для вас, резка.

Не стала спорить. Понимала, о чем он.

– Чем скорее, тем лучше, а я чуть подправлю, когда войду в силу.

– Договорились.

Я облегченно выдохнула. Так, с жильем разобрались. Все наладится, но придется еще помозолить глаза Судару.

– Но вы говорите, будто что-то более серьезное может прорваться в наш мир, если я продолжу воровать.

Государь поднес кулак ко рту, кашлянул.

– Что ж, вы совершенно правы, назвав это воровством. Скажу как есть. Игры со смертью до добра никого не доводят. Еще ваши действия, пусть и в незначительной степени, нарушают пространственно-временной континуум. Более того, они противны естествен-

ному ходу вещей. За содеянное расплатимся и я, и вы. Но какой станет расплата? Стоит она риска, потраченных сил и нервов – неизвестно. Могу гарантировать только, что расплачиваться придется не после первого путешествия, не сегодня и не завтра.

Вот успокоил так успокоил. Понятно теперь, почему сам не ворует. И нервная нагрузка огромная, и расплата еще. А так... часть кары Государя на меня свалится. Спасибо, Горан Владиславович, удружили. Чтоб вам пусто было!

* * *

За разговорами мы не заметили, как наступил вечер.

Раз уж я застряла в чужой квартире, мы посоветовались, и Судар решил, что это время стоит употребить с пользой. Присутствие на месте убийства, изменения в эфирных телах жертвы и маньяка все равно придется описать в практической части дипломной работы. Так почему бы не сделать черновой набросок, посвященный Тэбрем, здесь и сейчас?

Сказано – сделано. Сразу после ужина Государь водрузил на стол в моей комнате ноутбук, вручил оптическую крысу и удалился к себе, дабы позаботиться о моем жилище на расстоянии. А я послушно засела за работу. До самой ночи вспоминала, ежилась, содрогалась, набирала на клавиатуре и снова вспоминала.

А еще – параллельно с дипломом – я начала писать книгу о своих злоключениях, чем я и занимаюсь второй день подряд, бойко стуча по клавишам в квартире профессора черной магии. Сейчас воскресенье, уже за полдень, а я все не могу решить, стоит ли продолжать писать в прошедшем времени или перейти на настоящее. После получаса раздумий я выбрала первый вариант. По мере возможности буду рассказывать, что со мной происходит.

Откуда в чужой квартире до боли знакомая мелодия? Черт! Это же мой мобильник звонит. Я сорвалась с компьютерного кресла и кинулась к дорожной сумке, валяющейся у кровати. Ну, где же ты? Между вещами не отыскать никак. Ну же! Вот!

– Алло!

– Здорово! Это Алексей. Не забыла меня?

После встреч с маньяком, конечно, и маму родную забудешь, образно выражаясь, но Леху Ярыгина, секретаря Государя, я вспомнила.

– Я тебе еще вчера письмо Вконтакт скинул, а ты все не заходишь туда.

– А, сейчас посмотрю, – я развернулась к компьютеру, сделала пару шагов, но Леха остановил меня.

– Уже не надо. Просто напоминаю про нашу встречу вечером.

– Про нашу что?

Я же говорила, что с маньяками маму родную забудешь. Напрочь вылетело из головы, что обещала Лехе пойти в кино сегодня, что он собирался поделиться информацией о шефе. Как можно забыть о таком важном событии в моей патовой ситуации? Вдруг мне откровения студента-некроманта жизнь спасут?

– Как все запускано-о-о, – протянул Леха.

Судя по голосу, он удивился, но не очень-то огорчился.

– Я вспомнила.

– Все в силе?

– Да.

– Тогда в шесть вечера на «Смоленской». Внутри станции, у самой лестницы, ферштейн?

– Не совсем. «Смоленская» голубой ветки или синей?

– Филевской. То есть голубой.

– Заметано. В шесть буду как штык.

– Надеюсь, приступ амнезии не повторится, – Леха ехидно хохотнул в трубку.

– Надейся, – беззлобно огрызнулась я. – Леша, я приеду, – добавила уже более миролюбиво.

– Ну, давай тогда, до вечера.

– Ага, пока.

Осталась одна малюсенькая проблема. Государь уже сказал, что завезет меня домой в понедельник, до работы, и я охотно согласилась.

О встрече с Лехой говорить никак нельзя. Собирать информацию о его величестве – вообще дело небезопасное. Надо срочно выдумать какую-то отмазку. Но по вранью у меня твердая двойка.

Ха! А все не так сложно. Нет правдивей лжи, чем полуправда.

– У вас есть парень? Почему не позвонили ночью ему?

– Нет у меня парня.

– Логика на грани фантастики. Парень зовет в кино, но парня не существует. Он что, призрак?

– Да нет, Горан Владиславович. Вы мне просто объяснить не даете. Знакомый пригласил на фильм, а уж что из этого выйдет... – я развела руками.

– Принимается. А что за фильм?

– Не знаю пока. Наверное, на месте решим.

Как же просто говорить правду. Судар хоть и удивился ответу, но ничего не заподозрил.

– Удачи, Александрова.

– Я вас не подведу, Горан Владиславович! – я козырнула по-пионерски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.